

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик

Российской академии наук, заведующий сектором теории познания учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические философские и социальные науки". Севастопольский государственный

Исторические, философские и социальные науки, гуманитарные и социальные науки
университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Консон Григорий Рафаэльевич — доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии и философии культуры, начальник отдела прикладной докторантury и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, член-корреспондент РАЕ, член Федерального реестра экспертов научно-технической сферы, член Российского экспертного совета библиографической и реферативной базы данных «Scopus».

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, Республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75 khabiba_shagbanova@list.ru

EDITORIAL COLLEGIUM

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Kofman Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emelyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Soloviev Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of INION RAS, PhD, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru
Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Conson Grigory Rafelevich — Doctor of Art History, Professor of the Department of Sociology and Philosophy of Culture, Head of the Department of Applied Doctoral Studies and Training of Scientific personnel in the doctoral program of the Russian State Social University, corresponding member of the RAE, member of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technical field, member of the Russian Expert Council of the bibliographic and abstract database "Scopus".

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Vodiasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Julianna Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander N. Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatiana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, Veernaya str., 22, 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology of the Institute of Philology (SP), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, North-Eastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yurievna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, office 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, sq. 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Elena Sergeevna - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kohma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, 75 Amurskaya str., khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Дубаков Л.В., Го В. Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня»	1
Агеева Н.А. К вопросу о границах фикциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой	12
Федорова Н.В., Шведова К.В., Зимина В.П., Дудукалов Е.В. Мифознаки в контексте анализа языка англоязычных произведений жанра фэнтези и их отличия от окказионализмов и онимов	21
Аникина Т.В. Диалектно-разговорные элементы в англоязычном художественном тексте	35
Рыбалко С.А. Учебно-педагогический дискурс и его аксиологическая составляющая в структуре когнитивного исследовательского подхода третьего поколения	44
Англоязычные метаданные	51

Contents

Dubakov L., Guo W. Modernization of the image of the Huli Jing and the transformational nature of Reality in V. O. Pelevin's novel «The Sacred Book of the Werewolf»	1
Ageeva N. To the question of the boundaries of the fictionality of the narrated event. "Every hundred years. A novel with a diary" by A. Matveeva	12
Fedorova N.V., Shvedova K.V., Zimina V.P., Dudukalov E.V. Mythological signs in the analysis of the language in the English fantasy texts and their differences from occasionalisms and proper nouns	21
Anikina T.V. Dialect and colloquial elements in English fiction	35
Rybalko S.A. Educational and pedagogical discourse and its axiological component in the framework of the third generation cognitive research	44
Metadata in english	51

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Го В. — Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.8.40661 EDN: WDQRTX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40661

Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня»

Дубаков Леонид Викторович

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньяне

518172, Китай, г. Шэньянь, ул. Гоцзидасююань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Го Вэньцин

магистрантка, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньяне

518172, Китай, г. Шэньянь, ул. Гоцзидасююань, 1

✉ Lesliegreycn@outlook.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.8.40661

EDN:

WDQRTX

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2023

Аннотация: В статье осуществляется анализ образа китайской лисы-оборотня, или хули-цзин (кит. 狐狸精), в романе Виктора Пелевина «Священная книга оборотня». Производится сравнение главной героини пелевинского произведения с образами хули-цзин в классических китайских текстах. В центре рассмотрения оказывается номинация героини, её внешний вид, место обитания, способность к обрачиваемости и наведению морока, характер сексуальности, образ жизни. Устанавливается, что образ лисы-оборотня у Пелевина является образом синтетическим, созданным на основе

преимущественно двух культур – китайской и русской. При этом на неё оказали влияние мистическая, религиозная, культурная и литературная китайские традиции. Писатель опирается на составляющие образа хули-цзин, заимствованные из китайских книг, но предлагает расширенный и переосмысленный их вариант. Пелевина интересует прежде всего стремление лисы-оборотня не к телесной, но к духовной трансформации, на пути к которой его героя, опираясь на восточную философию, изучает принципы работы своего ума. Хули-цзин «Священной книги оборотня» и морок, который она наводит, выступают в качестве метафоры реальности в целом (человека, времени, пространства, языка, внешнего мира и др.). Природа реальности, согласно пелевинскому роману, трансформационна в своей основе, и эта её особенность обусловлена её иллюзорностью. Актуальность статьи определяется высоким интересом отечественного и зарубежного литературоведения к творчеству Виктора Пелевина и к компаративистским исследованиям (в данном случае затрагивающим русскую и китайскую культуры). Новизна работы обусловлена расширением понятия оборотничества в пелевинском романе – от телесной инверсивности главной героини до характеристики различных аспектов реальности.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, лиса-оборотень, хули-цзин, китайская традиция, модернизация, трансформационный характер реальности, остранение, буддизм, сoteriology, мистицизм

Лиса-оборотень из романа Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» (или «А Хули») (2004) не раз оказывалась в центре внимания литературоведов. Об этом образе писали с точки зрения присутствия в книге мистической составляющей, выявляли наличие в образе пелевинской хули-цзин разнородных культурных отсылок, рассматривали её образ в связи с другими элементами текста. При этом ключевой мотив «А Хули» – мотив оборотничества, он определяет основные смыслы, которые содержатся в образе главной героини и обуславливает специфику художественного мира, созданного в книге.

В «Священной книге оборотня» имеется множество отсылок к классическим китайским текстам. Го Вэй в статье «Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина» обозначает некоторые из них. Это, например, «Новые записи Ци Се, или О чём не говорил Конфуций» Юань Мэя, «Записки о поисках духов» Гань Бао, «Описание чудесного из кабинета Ляо» Пу Сунлина, «Вознесение в ранг духов» Сюй Чжунлиня, «Путешествие на Запад» У Чэнъэня^[5]. Пелевин заимствует из этих текстов собственно центральный образ лисы-оборотня и отдельные сюжетные элементы и мотивы.

Но пелевинская героиня – это образ, в котором традиция переосмысlena с точки зрения современного культурного контекста, а также буддийской и западной философии. А Хули – одновременно укоренена в прошлом и отражает настоящее время. Писатель предлагает новые обоснования её свойств и способностей и акцентирует внимание на духовном поиске лисы-оборотня как её ключевой интенции. А Хули из «Священной книги оборотня» встает в один ряд с многочисленными пелевинскими протагонистами, воплощающими в основе своей буддийский взгляд на реальность и использующими восточные методы достижения духовной трансформации.

У пелевинской лисы-оборотня – омофонное имя («первичная суггестивная команда» [9, с. 67]), что помещает её в две культуры: с одной стороны, оно представляет собой русское обсценное выражение, с другой, по мнению Ли Гэнъ, «А (кит. 阿) – уменьшительно-ласкателльный префикс, Хули (кит. 狐狸) значит 'лиса', что в сумме обозначает на русском языке 'лисичку'» [7, с. 26]. Сама А Хули у Пелевина говорит, что «А» – это её имя [9, с. 8], то есть «А» – это имя собственное. Янь Мэйпин характеризует имя героини как «словесное оборотничество» [12, с. 60].

Помимо момента бикультурности, важно, что имя героини по-русски звучит как вопрос. Этот вопрос может иметь разное значение – например, что? чего? почему? зачем? что толку? а ты как думал? какого чёрта? Как бы то ни было, он в иронической форме сообщает о социальной невстроенности героини и о неопределённости её личности (что в романе найдёт буддийское обоснование). Позже она возьмёт себе псевдоним «Алиса Ли», который будет подходить её «азиатскому лицу», «а с другой – как бы намёк: "Алиса Ли?"» [9, с. 18] («намек на ее «"неподлинность", мнимую сущность, видимую окружающими, но ошибочно принимаемую за подлинную», и на связь с кэрролловскими образами [8, с. 27]). У сестёр А Хули – И Хули и Е Хули – имена сконструированы подобным же образом, и их судьбы – так же быть чужеродными в той культуре, где они существуют, и не иметь полной уверенности в правильности своей жизни.

А Хули, подобно лисам-оборотням китайской литературы, обладает долголетием или даже бессмертием. Согласно китайской литературе, «чем старее животное (предмет), тем большей силой оно может обладать» [1, с. 49]: «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя может стать красавицей и чародейкой, знающей о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой» [цит. по 1, с. 49]. То есть Пелевин начинает повествование об А Хули тогда, когда уже достигла возраста, в котором она может обрести высокий духовный статус.

При этом она внешне практически не меняется: ей на вид четырнадцать лет и она очень привлекательна. В повести «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня лиса-оборотень выглядит так: «Девушка лет, наверное четырнадцати-пятнадцати, медленно прогуливается лотосовыми шажками. На лоб свешивается короткая челочка, лицо сияет как красная орхидея, брови подобные изогнутыми ивовыми листочкам» [цит. по 1, с. 61]. Однако надо обратить внимание, что в зверином состоянии А Хули выглядит старше: « – Какая-то ты облезлая. И на вид тебе можно дать лет триста» [9, с. 236]. По её словам, каждые сто восемь лет у лисы-оборотней в хвосте появляется по одному серебряному (седому) волосу.

Китайские хули-цзин источают запах мускуса и часто пахнут духами. В «Красавице Цинфэн» Пу Сунлина в доме, где была лиса-оборотень, «стоит запах орхидей и мускуса» [10, с. 22]. В новелле «Лиса наказывает за блуд» [10, с. 24] мускусом пахнет зелье, подложенное лисой в еду. По словам А Хули, «Телу лисы действительно свойствен еле заметный ароматный запах, но люди обыкновенно принимают его за духи» [9, с. 172]. Пелевин снимает искусственное акцентирование хули-цзин сексуальности, обозначая простую естественность своей героини.

Но всё же по большей части изменения, что происходят с А Хули, случаются внутри. Причём это не стихийные, а контролируемые изменения. Лисы-оборотни, что «выдают

себя за членов семьи людей» [\[1, с. 57\]](#), создают «рабочую личность», «симулякр души» [\[9, с. 9\]](#) при смене культурной эпохи: «Мы подгоняем себе под лицо новое "я", совсем как сшитое по другой моде платье» [\[9, с. 10\]](#). То есть главная инверсия, которую порождает А Хули, это инверсия не внешняя, а внутренняя, которая облегчает ей «мимикрию и маскировку» [\[9, с. 10\]](#).

Слово «симулякр» появляется в «Священной книге оборотня» также, когда А Хули характеризует свой половой орган, на месте которого у неё «мешочек-симулякр» [\[9, с. 173\]](#). Симулятивная природа реальности, создаваемая лисой, затрагивает и верх, и низ и, в контексте философских построений книги, проецируется на человека: человеческая личность, по Пелевину, как и телесные проявления, оказываются обусловлены в первую очередь работой сознания. Так же, как «мешочек-симулякр», работает и ум А Хули, который, по её словам, не является настоящим «органом мысли» [\[9, с. 159\]](#): А Хули возвращает услышанное от людей им самим.

А Хули питается энергией ци и зарабатывает деньги проституцией, эксплуатируя свой юный облик, который вызывает «у мужчин сильные и противоречивые чувства» [\[9, с. 10\]](#), или иначе – она «профессионально имперсонирует девочку пограничного возраста с невинными глазами» [\[9, с. 63\]](#). Этот её облик схож, например, с внешним видом Четвёртой Ху из одноимённой новеллы Пу Сунлина: «Лет этой девушке было только-только достаточно, чтобы уже сделать прическу [то есть 15 лет – прим. Го Вэньцзин]. Она была прекрасна, как лотос, розовеющий в свисающих каплях росы; как цветок абрикоса, увлажнённый легким туманом. Кокетливо и грациозно, еле заметно она улыбалась, и красота ее милого лица хотела как будто выйти за пределы возможного» [\[10, с. 31\]](#).

При этом у А Хули нет пола, так как нет репродуктивной системы. Равно как и сексом с клиентами она не занимается, поскольку ей достаточно наводить на них морок. Интересно, что во время контакта с сикхом, А Хули максимально абстрагирует сексуальное: она читает «Краткую историю времени» Стивена Хокинга про чёрные дыры, которая кажется ей рассказом о космическом сексе, а не о физике. И это не концентрация на сексе, а ощущение секса как в малой степени чего-то именно телесного, ведь А Хули, скорее, связана с волошинскими божественными звёздными пространствами, упомянутыми в эпиграфе [\[9, с. 6\]](#). Помимо прочего, конечно, этот пассаж пронизан иронией.

При этом у А Хули нет пола, так как нет репродуктивной системы. Равно как и сексом с клиентами она не занимается, поскольку ей достаточно наводить на них морок. Интересно, что во время контакта с сикхом, А Хули максимально абстрагирует сексуальное: она читает «Краткую историю времени» Стивена Хокинга про чёрные дыры, которая кажется ей рассказом о космическом сексе, а не о физике. И это не концентрация на сексе, а ощущение секса как в малой степени чего-то именно телесного, ведь А Хули связана с волошинскими божественными звёздными пространствами, упомянутыми в эпиграфе [\[9, с. 6\]](#). Помимо прочего, конечно, этот пассаж пронизан пелевинской иронией.

Вместе с тем, смотрение на реальность сквозь призму сексуального всё же определяет то, как героиня воспринимает, например, городской пейзаж. А Хули о Москве: «Над ними торчало несколько зданий фаллической архитектуры <...> они казались навазелиненными. «Дальше был Кремль, который величественно вздыпал к облакам свои

древние елдаки» [\[9, с. 139-140\]](#). Эта метафора напоминает схожий образ, использованный упоминаемым в романе пародийно и всерьёз Алистером Кроули. В эссе «Сердце Святой Руси», описывая храм Василия Блаженного, он пишет: «Далее высокий фаллос, колонна, выполненная в красном и сером тонах, на купол нанесены оранжевые и зелёные полосы, закрученные в спираль; под ним ютится другой фаллос, его купол опоясан плоскими ромбами красного и зелёного цвета» [\[6\]](#). Но там, где Кроули, производит намеренное сакральное «снижение», Пелевин высмеивает претенциозность Москвы и указывает специфику «национального гештальта» [\[9, с. 140\]](#).

Парадоксальна обозначается и мотивация героини «Священной книги оборотня»: занятие проституцией – это то, что пристало добродетельной лисе, в отличие от разнообразного плутовства [Пелевин, с. 39]. Хотя при этом это занятие видится ей немного постыдным, равно как и наблюдение за человеком, который находится во власти её сексуального наваждения. Одновременно с этим А Хули замечает, что наведение морока – это не исключительно её способность, потому что у женщин это получается даже лучше: «Надо же, выдать сделанную из мяса машину для размножения за дивный весенний цветок, достойный драгоценной оправы, – и поддерживать эту иллюзию не минуты, как мы, а годы и десятилетия, и все это без всякого хвостоприкладства» [\[9, с. 91\]](#). То есть в некотором смысле женщины тоже владеют способностью оборотничества, только «женщина руководствуется инстинктом, а лиса разумом» [\[9, с. 108\]](#). Суть морока, наводимого А Хули, заключается в умении реализовывать принцип «красота в глазах смотрящего»: она подстраивает образ женской красоты, который есть в сознании конкретного мужчины, под себя. Но, в отличие от обычных женщин, А Хули способна к вариативности и пластичности в этом процессе.

Местом обитания лис-оборотней в китайской литературе часто оказывается могила или склеп. Одна из причин этого заключалась в том, что хули-цзин считали воплощением души мертвца или находящейся в связи с миром мёртвых. Например, в новелле «Лис из старой могилы» (V в. н.э.) Тао Юаньмина в могиле на холме обнаруживают старого лиса, читающего книгу с именами тех женщин, что он когда-то соблазнил [\[11, с. 66\]](#). В «Записках о поисках духов» рассказывается, что «в Ханьское время Гуанчуаньский ван любил вскрывать могилы. Он разорил могилу Луань Шу. Все знаки достоинства, украшавшие гроб, перегнили без остатка. Оказалась в склепе только белая лиса» [\[4, с. 358-359\]](#).

А Хули также когда-то, в Китае, жила в могиле: «До приезда в Россию я несколько сотен лет прожила в ханьской могиле недалеко от места, где стоял когда-то город Лоян. В могилке было две просторных камеры, в которых сохранились красивые халаты и рубахи, гусли-юй и флейта, масса всякой посуды» [\[9, с. 292\]](#). Её тайные убежища в России напоминают ей о той китайской «могилке», удалённой от людских жилищ и подходящей «для существа, равнодушного к мирской суете и склонного к уединённым размышлениям» [\[9, с. 291\]](#). В Москве она живёт в подтрибуунном помещении, про которое забыли его владельцы благодаря её магии. Михалыч, который впервые видит дом А Хули, снисходительно называет его конурой. Переносное значение этого слова здесь не заслоняет прямого: конура как укрытие для собак вполне подходит и дальней родственнице собак – лисе. Этот её дом так же, как и могила, связан с предлогом «под»: могила – под землёй, её дом – под трибуналами стадиона.

Позже А Хули откроет ещё одно своё подземное убежище – «личное бомбоубежище» [\[9,](#)

[с. 285](#) или «бункер» [\[9, с. 287\]](#) рядом с Битцевским парком: «Выглядело оно так: в узком овраге из земляной стены выходила бетонная труба диаметром примерно в метр. В нескольких шагах напротив ее края начинался противоположный склон оврага, поэтому заметить трубу сверху было сложно. Под землей она разветвлялась на две небольшие комнатки» [\[9, с. 286\]](#). А Хули упоминает, что там «не было следов жизни» [\[9, с. 287\]](#), имея в виду, что там раньше никто не бывал, но в прямом смысле можно представить её «бункер» как пространство смерти, подобное могиле.

Оба убежища, помимо ориентированности под землю, связаны с определённой энергией – как могилы в мифологии связаны с энергией смерти. Первое обиталище А Хули расположено возле трансформаторной подстанции, «бункер» находится в овраге, заросшем растениями семейства зонтичных, величина которых пугает А Хули, потому что она думает, что это «из-за радиации или химического заражения» [\[9, с. 287\]](#). Интересно, что «растения семейства зонтичных» ассоциативно вызывают в памяти зонты из масляной бумаги, которые обнаруживают китайские знаки в пейзаже возле «бункера». А Хули, одна из главных жизненных встреч которой – встреча с Жёлтым Господином, в Битцевском лесу, обнаружив велосипедный трамплин и скульптурную композицию из брёвен, вспоминает о Жёлтой Горе, на которой располагался его монастырь. Это параллель обусловлена схожим топосом – высокий берег реки (возвышенность); временем (в пределах дня – вечер, с духовной точки зрения – вечность) (брёвна, напоминающие Стоунхендж); чертами конструкции (в Битцевском лесу несколько П-образных ворот, у монастыря – одни большие ворота при отсутствии забора там и там).

Вспоминая свою «уютную китайскую могилку», А Хули замечает, что теперь такую не найти, потому что старые могилы разрушены новой инфраструктурой, а «в современных загробных коммуналках и самим покойникам тесно» [\[9, с. 291\]](#). Сравнение могилы с коммуналкой может быть прочитано и в обратную сторону: советские и российские коммуналки подобны могилам, а люди в них – мертвцам. В этом смысле А Хули, сознательно выбирающая себе (под себя) «норы» под землёй для уединённых размышлений, пребывает даже не в равной позиции с людьми, а в лучшей по сравнению с ними. Лисы-оборотни в Китае связаны с обманом, поэтому характеристики «хавира» от Михалыча и «малина» от Саши Серого, приложенные к её убежищам также оказываются вполне уместны.

В «Священной книге оборотня» соединяются мотивы китайских историй о лисе-оборотне и русские народные сказки о животных. А Хули влюбляется в волка-оборотня Сашу Серого. Интересно, что оборотническая «супрафизическая» трансформация у неё и у него описывается Пелевиным с использованием контрастных образов. Саша Серый становится волком «изнутри – наружу»: он «буквально вывалился наружу из собственного тела» [\[9, с. 129\]](#), «наружу выпрыгнул серый лохматый хвост», «он оброс шерстью» [\[9, с. 160\]](#); «его китель и брюки трансформировались вместе с ним», – А Хули – «снаружи – внутрь»: она сбросила свою одежду и «почувствовала, как сводит вместе пальцы рук» [\[9, с. 228\]](#).

Трансформация с А Хули происходит, когда она охотится на курицу. Китайские хули-цзин могут быть воровками. В новелле «Студент-вор Цзи» рассказывается о лисе, что обкрадывал одну семью, забирая деньги и съестное: «Как-то у Цзи была зажарена курица, которую он собирался потчевать гостей. Вдруг она пропала» [\[10, с. 101\]](#). у Пелевина куриная охота А Хули – это скорее её философское занятие: так она постигает единство всего сущего. Хули-цзин из «Студента-вора Цзи» продолжает красть,

подшучивая над людьми: «Нет надобности приписывать лисе какую-то особенную злонамеренность: ведь студент как будто тянул ее к себе юмористически, ну и она его обработала тоже не без фарса!» [\[10, с. 103\]](#).

Как и у Е. Шварц в цикле стихотворений о Лисе, в «Священной книге оборотня» принцип оборотничества распространяется на разные аспекты реальности, которые наблюдает А Хули или с которыми она соприкасается. Пелевин сравнивает своих героев с другими персонажами, и помимо указания на ситуативное изменение в их характере или поведении, этим он подчёркивает их трансформационную суть. Саша Серый в момент «супрафизической трансформации» «походил на медведя» [\[9, с. 161\]](#); И Хули «по-кошачьи потянулась» [\[9, с. 188\]](#); Михалыч напоминает А Хули «огромную отъевшуюся таксу, которой пересадили волчью шкуру», он же «заржал как жеребец» [\[9, с. 375\]](#); интернет-колумнист – «существо, несколько возвышающееся над лагерной овчаркой» [\[9, с. 257\]](#); люди как бесхвостые обезьяны [\[9, с. 359\]](#); Жёлтый Господин «умный, как лис» [\[9, 2004, с. 347\]](#).

Пелевин также использует фразеологию, иронически её переосмысливая, реализуя и одновременно посредством её создавая мир людей, перекидывающихся животными, или наоборот. Так, бенефициаров российских богатств, «оффшорных котов» [\[9, с. 374\]](#) «знает на Рублёвке каждая собака» [\[9, с. 239\]](#); Саша Серый шутит, что раны заживут на нём, как на собаке; А Хули упрекает его, говоря, что рыльце у него в пушку [\[9, с. 315\]](#), в другой раз она использует китайский фразеологизм: «Я думала, ты остроглазый лев, а ты слепая собака» [\[9, с. 355\]](#), который в применении к оборотню звучит двусмысленно. (Н. Г. Бабенко считает, что для романа характерно наличие «вербальных вех» формируемого подтекста «лексико-фразеологических мостиков», перекидываемых от одного сюжетного блока к другому): генерал-лейтенант Саша Серый движется от волка через собаку к чину генерал-полковника [\[2, с. 283-284\]](#).) Писатель также перестраивает русскую поговорку, приближая её к китайскому культурному контексту: «Тигров бояться, в горы не ходить» [\[9, с. 334\]](#).

В целом реальность подобна оборотню: так, например, коттеджи нефтяников похожи на «ряды кур» [\[9, с. 241\]](#), как и выводимая камлающими волками-оборотнями на поверхность в Нефтепригоньевске нефть является остатками/останками древних живых организмов.

Наконец, само пребывание в России требует от А Хули социального оборотничества: «в некоторые моменты я совершенно переставала понимать, кто я на самом деле – гонконгская женщина с русским именем Су или русская лиса с китайским именем А Хули» [\[9, с. 311\]](#). По словам А. Н. Воробьёвой, А Хули оказывается «жертвой всеобщего (тотального) оборотничества» [\[3, с. 94\]](#).

Принцип оборотничества прослеживается также в композиции романа: по словам О. Ю. Осьмухиной и А. А. Супровой, Пелевин, исходя из концепции «взаимообращаемости», наличия реального и «обратного миров», «разворачивает» «идею сосуществования разных миров в едином пространственно-временном континууме и продолжить традиционную для него тему возможности/невозможности перехода, т. е. пересечения пространственных и временных границ между этими мирами» [\[8, с. 28\]](#).

Наконец, важной составляющей образа хули-цзин у Пелевина является то, что А Хули – буддистка по своему мировоззрению. Её буддизм – это наследие её китайского

происхождения, впитанной ею китайской литературы и мистицизма, учения, полученного лисой от Жёлтого Господина. Последний ловит А Хули, так же, как, например, буддийский монах в новелле Пу Сунлина «Фея лотоса» изловил лисицу-оборотня [10, с. 25]. Сюжет «Священной книги оборотня» посвящён духовному становлению хули-цзин, что реализует свою «радужную природу», и это её последняя и окончательная трансформация.

В романе «Священная книга оборотня» Виктор Пелевин создаёт образ хули-цзин с опорой на многообразную – мистическую, культурную, литературную китайскую традицию. Главная героиня романа по имени А Хули соединяет в себе два магистральных культурных потока – китайский и русский. Это проявляется в её имени, внешнем облике, характере, способе чувствовать и мыслить, выборе места обитания, жизненной философии. Пелевин использует мотивы, связанные с хули-цзин, и предлагает их новые, расширенные, углублённые истолкования, формирует новые коннотации образа, затеняя, но не удаляя прежние [2, с. 290-291], создаёт постмодернистский «авторский неомиф» [8, с. 29]. Подлинные, высшие цели и мотивы лисы-оборотня, которая представляет собой остранённого человека, оказываются не связаны с получением энергии для пропитания. Пелевинская героиня осмысляет собственную природу, то, как работает её ум и как можно реализовать в себе «сверхоборотня». В романе акцентируется внимание на трансформационном характере реальности в целом: хули-цзин – это метафора, которая позволяет охарактеризовать сущность человека, времени, пространства, языка, внешнего мира, иллюзорных в своей глубине, а потому свободно изменяющихся. Лиса-оборотень А Хули осуществляет «внутреннюю алхимию», основанную на положениях восточного сoteriологического учения, отвергая при этом все мнимые материальные формы.

Библиография

1. Алимов И. А. Китайский кульп лисы // Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 282 с.
2. Бабенко Н. Г. Бестиарий современной прозы в аспекте эксплицитности/имплицитности культурных коннотаций // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : материалы Международной научной конференции, Калининград – Светлогорск, 15–17 сентября 2005 года. Калининград – Светлогорск: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. С. 275-292.
3. Воробьева А. Н. Книжно-культурные трансформации в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 2. С. 93-100.
4. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнъ цзи) / Пер. с древнекит., предисл. прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 569 с.
5. Го Вэй. Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341-343.
6. Кроули А. Сердце Святой Руси. URL: http://svitk.ru/004_book_book/2b/457_krouli-serdce_svyatoy_rusi.php (дата обращения 04.05.2023).
7. Ли Гэнъ. Китайский подтекст в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Казанская наука. 2021. № 9. С. 23-27.
8. Осьмухина О. Ю., Сипрова А. А. Мифопоэтический контекст романа В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики.

2017. № 11-2(77). С. 26-30.
9. Пелевин В. О. Священная книга оборотня: Роман. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 384 с.
 10. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном // в переводе В.М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1988. 558 с.
 11. Путь к заоблачным вратам. Старинная китайская проза / пер. К. Голыгиной и др. М.: Правда, 1989. 608 с.
 12. Янь Мэйпин. Мистика в русской литературе XX в.: истоки, традиции и рецепции – анализ произведений Виктора Пелевина // Путь науки. 2019. № 9(67). С. 59-63.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант анализа текстов Виктора Пелевина в массе критических источников многообразен. Существуют позиции «за», есть ряд работы оппозиционного характера «против», есть работы и концептуально выработанной оценки, которая дает полновесный срез аспектов художественности этого непростого автора современной литературной прозы. И все же, нужно констатировать, что Виктор Пелевин, не Александр, востребован читателями, критиками, исследователями. Думается, что Виктор Пелевин старается охватить объемный кругозор сюжетных вариантов, в его произведениях, безусловно, доминирует некая иная, другая реальность, которая и привлекает реципиентов. Для В. Пелевина характерна ярко открытая напыщенность, эпатаж, открытой к мировой культуре, истории, литературе. Именно это, на мой взгляд, и играет ведущую роль в романах конструктах, повествовательных формах, рассказах и эссе указанного автора. Рецензируемый текст относится к варианту конструктивного анализа прозы Виктора Пелевина, ибо его текст «Священная книга оборотня» не только работа над чисто формой, но и разверстка / погружение в иное культурологическое пространство, претворение динамики смысла в романной версии, близкой восточной версии. Не случайно автора статьи в начале тезириует, что «в «Священной книге оборотня» имеется множество отсылок к классическим китайским текстам. Го Вэй в статье «Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина» обозначает некоторые из них. Это, например, «Новые записи Ци Се, или О чём не говорил Конфуций» Юань Мэя, «Записки о поисках духов» Гань Бао, «Описание чудесного из кабинета Ляо»Pu Сунлина, «Возышение в ранг духов» Сюй Чжунлиня, «Путешествие на Запад» У Чэнъэня. Пелевин заимствует из этих текстов собственно центральный образ лисы-оборотня и отдельные сюжетные элементы и мотивы». Вариация оценки одного из противоречивых романов В. Пелевина, на мой взгляд, продуктивна, концептуальна. Текст не прост в дешифровке не только на уровне сюжета, но и в ряде других магистральных уровней литературного произведения. Аналитическая составляющая налична: например, «но пелевинская героиня – это образ, в котором традиция переосмыслена с точки зрения современного культурного контекста, а также буддийской и западной философии. А Хули – одновременно укоренена в прошлом и отражает настоящее время. Писатель предлагает новые обоснования её свойств и способностей и акцентирует внимание на духовном поиске лисы-оборотня как её ключевой интенции. А Хули из «Священной книги оборотня» встает в один ряд с многочисленными пелевинскими протагонистами, воплощающими в основе своей буддийский взгляд на реальность и использующими восточные методы достижения духовной трансформации», или «А Хули, подобно лисам-оборотням китайской литературы, обладает долголетием

или даже бессмертием. Согласно китайской литературе, «чем старее животное (предмет), тем большей силой оно может обладать»: «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя может стать красавицей и чародейкой, знающей о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой» [цит. по 1, с. 49]. То есть Пелевин начинает повествование об А Хули тогда, когда уже достигла возраста, в котором она может обрести высокий духовный статус», или «местом обитания лис-оборотней в китайской литературе часто оказывается могила или склеп. Одна из причин этого заключалась в том, что хули-цзин считали воплощением души мертвца или находящейся в связи с миром мёртвых. Например, в новелле «Лис из старой могилы» (V в. н.э.) Тао Юаньмина в могиле на холме обнаруживают старого лиса, читающего книгу с именами тех женщин, что он когда-то соблазнил. В «Записках о поисках духов» рассказывается, что «в Ханьское время Гуанчжуаньский ван любил вскрывать могилы. Он разорил могилу Луань Шу. Все знаки достоинства, украшавшие гроб, перегнили без остатка. Оказалась в склепе только белая лиса» и т.д. Дешифровка текста, следовательно, становится полновесно открытой, не имеющей серьезных фактических нарушений. Тематический вектор работ актуален, новизна заключается в полновесной рецепции ключевого образа, манифестации нового / отчасти и правильно взгляда на сюжетику текста. Работа имеет стрежневой состав организации логики, движение «по ходу текста» оправдано. Стилевая составляющая ориентирована на научный тип: например, это проявляется в следующих фрагментах: «трансформация с А Хули происходит, когда она охотится на курицу. Китайские хули-цзин могут быть воровками. В новелле «Студент-вор Цзи» рассказывается о лисе, что обкрадывал одну семью, забирая деньги и съестное: «Как-то у Цзи была зажарена курица, которую он собирался потчевать гостей. Вдруг она пропала». У Пелевина куриная охота А Хули – это скорее её философское занятие: так она постигает единство всего сущего. Хули-цзин из «Студента-вора Цзи» продолжает красть, подшучивая над людьми: «Нет надобности приписывать лисе какую-то особенную злонамеренность: ведь студент как будто тянул ее к себе юмористически, ну и она его обработала тоже не без фарса!», или «Пелевин также использует фразеологию, иронически её переосмыслия, реализуя и одновременно посредством её создавая мир людей, перекидывающихся животными, или наоборот. Так, бенефициаров российских богатств, «оффшорных котов» «знает на Рублёвке каждая собака»; Саша Серый шутит, что раны заживут на нём, как на собаке; А Хули упрекает его, говоря, что рыльце у него в пушку, в другой раз она использует китайский фразеологизм: «Я думала, ты остроглазый лев, а ты слепая собака», который в применении к оборотню звучит двусмысленно» и т.д. Тема работы соотносится с одним из рубрикаторов журнала, следовательно, противоречий в данном с случае нет. Формальный ценз выдержан, требования учтены, особой правки не требуется. Итогом звучит вполне правомерный тезис, что «в романе «Священная книга оборотня» Виктор Пелевин создаёт образ хули-цзин с опорой на многообразную – мистическую, культурную, литературную китайскую традицию. Главная героиня романа по имени А Хули соединяет в себе два магистральных культурных потока – китайский и русский. Это проявляется в её имени, внешнем облике, характере, способе чувствовать и мыслить, выборе места обитания, жизненной философии. Пелевин использует мотивы, связанные с хули-цзин, и предлагает их новые, расширенные, углублённые истолкования, формирует новые коннотации образа, затеняя, но не удаляя прежние, создаёт постмодернистский «авторский неомиф». Работа логически завершена, концепция автора объективна выражена, самое важное, что диалога с потенциально заинтересованным читателем сформирован. Список источников достаточен, он включает работы альтернативного и классического толка. Практическая

оправданность материала подтверждена, импульсно текст можно использовать при написании работ смежной направленности. Рекомендую статью «Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Агеева Н.А. — К вопросу о границах фикциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой // Филология: научные исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.8.43637 EDN: WDUZZP URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=43637

К вопросу о границах фикциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой

Агеева Наталья Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет

630028, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилойская, 28, корпус 3

✉ jcl@ngs.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2023.8.43637

EDN:

WDUZZP

Дата направления статьи в редакцию:

25-07-2023

Аннотация: Объектом исследования в настоящей статье стал опубликованный в 2022 г. и вошедший в шорт-лист премии «Большая книга» роман А. Матвеевой «Каждые сто лет. Роман с дневником». Специфика данного произведения заключается в том, что параллельно развивающиеся истории жизни двух героинь представлены в виде их личных дневников, один из которых фикционален по своей природе, а второй является настоящим дневником, который на протяжении своей жизни вела бабушка А. Матвеевой, Ксения Михайловна Левшина. В связи с этим встает вопрос не только о разграничении литературы fiction и nonfiction, но и о том, что происходит со статусом личного дневника, относящегося к категории внеэстетических текстов, когда он оказывается включенным в контекст художественного произведения, решение которого и стало целью настоящего исследования. Научная новизна исследования состоит во введении в исследовательское поле материала, позволяющего уточнить дискуссионный вопрос границы фикциональности. Теоретической базой исследования послужили классические работы М. Риффатера, Ж. Женетта и В. Изера, посвященные природе фикциональности, а также общие положения, касающиеся признаков фикционального текста, изложенные

в труде В. Шмидта «Нарратология». В процессе анализа романа было выявлено, что при помещении фрагментов текста реальных дневников в контекст заведомо фикционального мира происходит не только утрата отношения образа героини Ксенички к реальному референту (К. М. Левшиной), но и сам текст ее личных дневников утрачивают связь с фактуальностью и обретают статус объекта осмысления. Рассказанным событием в романе оказываются не только и не столько истории жизни двух героинь, но и взаимодействие фактуального и фикционального, интимного эго-документа и романа, само писание любого текста, как художественного, так и документального, и осмысление жизни как эстетического объекта.

Ключевые слова:

Анна Матвеева, роман, дневник, эго-документ, фикциональность, фикция, фактуальность, документальность, nonfiction, рассказанное событие

Проблема фикциональности, обозначенная еще в начале XX в. в монографии Г. Файхингера «Философия “как если бы”» [1] и получившая свое развитие в трудах К. Хамбургер [2] и в теории речевых актов Дж. Серля [3], вызывает живой интерес не только философов и лингвистов, но и литературоведов. В наибольшей степени этот вопрос стал привлекать внимание исследователей после выхода в 1990-х гг. сразу трех значимых теоретических работ, посвященных природе вымысла, – «Истина вымысла» М. Риффатера [4], «Вымышленное и воображаемое. Набросок литературной антропологии» В. Изера [5] и «Вымысел и слог» Ж. Женетта [6]. М. Риффатер, как, впрочем, и Ж. Женетт, установил границу между ложью и вымыслом, указав на прочную связь последнего с художественными жанрами. В. Изер, описывая отношения в выделенной им в качестве основной особенности фикционального текста триаде «реальное/вымышленное/воображаемое», настаивает на том, что «элементы текста, перенятые им у окружающего мира, не фиктивны сами по себе – вымыслом является только сам выбор» [7, с. 188]. Современные исследователи, отталкиваясь от упомянутых выше и ставших уже классическими трудов или в целом соглашаясь с ними, отмечают необходимость уточнения статуса фикциональности в онтологическом, семантическом, прагматическом и многих других аспектах. Понятие фикциональности при этом трактуется либо максимально широко, как общее свойство мыслительной и речевой деятельности [8–11], либо узко – как выстраивание в тексте (как правило, художественном, но частично и в текстах иной функциональной природы) некой особой реальности, не имеющей денотата [12]. Существует и третий подход, предлагаемый зарубежными исследователями [13], где это понятие связывается не с объективными свойствами самого текста, а с дискурсивной интенцией, т. е. коммуникативными намерениями субъекта речи. В любом случае исследователи неизменно отмечают необходимость описания этой категории в ее отношениях со смежными понятиями. Так, в частности, фикциональность сопоставляется с действительностью / реальностью в статьях Е. В. Золотухиной-Аболиной, В. Ю. Клейменовой [9–11]. Не меньшее внимание уделяется и разведению понятий *fiction* и *nonfiction*, т. е. фикциональность определяется через ее соотношение с фактуальностью [12, 14–16]. Предметом исследования в таких работах становится граница, пролегающая между художественной литературой и множеством нехудожественных, внеэстетических текстов. Так, к примеру, В. Шмид в своем труде «Нарратология» указывает: «Один из признаков повествовательного художественного

текста, – это его фикциональность, т. е. то обстоятельство, что изображаемый в тексте мир является фиктивным, вымышленным. В то время как термин “фикциональный” характеризует специфику текста, понятие “фиктивный” (или “вымышленный”) относится к онтологическому статусу изображаемого в фикциональном тексте» [\[17, с. 22\]](#). Конечно, само по себе наличие фикциональности в тексте не может считаться единственным критерием его литературности, однако она играет значительную или даже ведущую роль.

Интересно, что в отношении фикциональности эго-документов мнения исследователей разделяются на почти противоположные. Одни [\[8–10\]](#) утверждают, что такого рода тексты не обладают указанным свойством ввиду авторской установки на фактуальность, идентичности автора и субъекта речи и восприятия читателем как текстов, не конструирующих вымышленный мир, а соотносящихся непосредственно с реальной действительностью. Так, к примеру, О. С. Гилязова отмечает: «Если слова автора как персонажа всецело обязывают автора, то перед нами нефиксциональный текст (дневник, письмо, политический или научный трактат – то, что М. Бахтиным подводится под общую рубрику внеэстетических текстов), если же нет – то фикциональный» [\[8, с. 17\]](#). Заметим тем не менее, что М. М. Бахтин в монографии «Автор и герой в эстетической деятельности» все же замечает, что тексты «от первого лица» предполагают в творческом акте элемент раздвоения на автора и героя, реализующийся в собственно эстетической деятельности [\[20\]](#), а значит – некоторую долю авторской «безответственности». Принимая этот факт во внимание, А. А. Фаустов предлагает классифицировать автобиографии, мемуары и дневники как прототипическую форму вымысла [\[12\]](#) и, соответственно, как тексты, занимающие пограничное положение между *fiction* и *nonfiction* или даже входящие в периферию художественной литературы. К подобной точке зрения присоединяются и другие исследователи автобиографических произведений [\[16, 18, 19\]](#).

Любопытно, на наш взгляд, рассмотреть с этой позиции опубликованное в 2022 г. и ставшее финалистом «Большой книги» произведение А. Матвеевой «Каждые сто лет», имеющее авторское определение жанра – роман с дневником, очевидно указывающее, что подразумевается не роман-дневник, известный в мировой литературе с XVIII в. и предполагающий выстраивание художественного текста по модели личного дневника героя. Впрочем, в самом романе А. Матвеевой параллельно развивающиеся истории двух героинь, одна из которых появилась на свет в обедневшей дворянской семье в конце XIX в., а вторая рождена в конце XX в., по большей части подаются именно в форме дневниковых записей. Примечательно, что авторов двух дневников на первый взгляд объединяет немногое: имя Ксения (однако чаще всего героя, живущая на рубеже XIX и XX в., зовется Ксеничка, в то время как нашу современницу называют Ксаной), знание иностранных языков и, соответственно, переводческая и преподавательская деятельность, позволившая Ксане оказаться в некоторых из тех мест, где веком ранее бывала и Ксеничка: «Сто лет назад по этой же рю дю Гран-понт шагала Ксеничка Левшина; как странно, что их судьбы снова совпали, слились в одну, как сливаются улицы, временно превращаясь в единый проспект, а после снова разбегаются, каждая по своим делам. Улицы Лозанны были как те нитки мулине из детства, – непонятно, откуда какая берет начало и где решит затянуться в узел-туличок» [\[21, с. 181\]](#). И, разумеется, самым значимым сходством становится ведение дневника, к которому они обе то и дело возвращаются на протяжении своей жизненной истории: «Еще я думаю о том, что Ксеничкина жизнь так крепко связана с моей, что теперь совершенно неважно, родня она мне или нет. Мы породнились, пока я читала ее дневники, сидела над документами в петербургском архиве. Общая у нас не кровь, а

чернила – фиолетовые, которыми писала Ксеничка, и синие, которыми пишу я сама» [\[21, с. 402\]](#).

Существенным различием между параллельно разворачивающимися перед читателем историями будут два фактора. Первый из них оговаривается непосредственно в приведенной ранее цитате: Ксана начинает сама писать лишь после того, как случайно обнаружила в родительском шкафу крапивный мешок со стопкой исписанных тетрадок и, приступив к чтению, решила, что это дневники ее бабушки. В своем дневнике героиня постоянно рефлексирует, соотносит собственную жизнь с историей Ксенички, свою манеру писать – с ее: «Знакомый буддист (с годами знакомыми буддистами обзаводится каждый) однажды заметил: если жить долго, то со временем начинаешь видеть в своей жизни некий узор, и он симметричен. Моя жизнь опровергает это наблюдение, она асимметрична, как лист вяза. Может, поэтому я и ухватилась с такой страстью за дневники Ксении, что заметила общий узор с ними? У нас совпадают имена, инициалы, профессия, несчастья и привычка вести дневник, неотменимая, как быт, сведенная, как мне кажется в грустную минуту, едва ли не к гигиенической процедуре. Различий, впрочем, тоже хватает, и они в свою очередь складываются в орнамент. Ксения рано стала женой (пусть не венчанной) и матерью. Я никогда не была замужем и не могу считаться матерью в традиционном смысле этого слова. Тем не менее у меня есть ребенок, который отчаянно нуждается во мне вопреки собственным заверениям в обратном» [\[21, с. 459\]](#). Причем стоит отметить, что сам процесс осмысливания героиней собственной жизни в преломлении жизни чужой приводит ее и к желанию восполнить лакуны в истории Ксенички, выстроить хронологию, восстановить или хотя бы додумать, достоинство то, что остается за пределами прочитанного: «История чужого человека увлекала чуть ли не сильнее, чем в детстве, когда она тайком лазала за новой порцией впечатлений в крапивный мешок. Увы, о строгой хронологии остается только мечтать – или самой придумывать продолжение, заполняя пробелы, как вставляют пропущенные буквы в тетрадях для учеников младших классов. Многих тетрадей, а следовательно, многих лет не хватало – Ксана не сомневалась, что Ксеничка продолжала вести дневники из года в год, просто некоторые не сохранились. Или же угодили в другой крапивный мешок...» [\[21, с. 327\]](#).

Второй фактор лежит за пределами текстовой реальности. Бессспорно, в той части романа, где представлена история Ксаны, конструируется заведомо вымышленный мир, даже несмотря на достаточно точные и подробные описания пространства, где обитает героиня (например, очень узнаваемый Свердловск восьмидесятых годов). Можно даже сказать, что события, происходящие в ее жизни, нарочито фикциональны. Они больше напоминают типичные для острожюжетных сериалов и фильмов повороты сюжета: здесь и поиски маньяка, оказавшегося отцом ее одноклассницы, и внезапное открытие, что отец самой героини живет на две семьи, и сложные любовные отношения ее брата, в том числе и инцестуальные, приведшие в итоге к его самоубийству, и шизофрения племянника, манифестация которой влечет за собой Катастрофу и Долг (оба эти слова в тексте пишутся исключительно с прописной буквы, поскольку это события, разрушающие жизнь прежде всего самой героини). Не менее оторванными от реальности выглядят и второстепенные персонажи, богатые и при этом очень одинокие дамы, так легко и быстро доверяющие Ксане свои сокровенные тайны.

В противоположность этому линия второй героини тяготеет к максимально возможной в художественном тексте достоверности. С одной стороны, это подкрепляется сюжетной линией Ксаны, бегущей от перипетий своей жизни в чтение дневников Ксенички. При

этом героине оказывается недостаточно только погружения в текст исписанных тетрадок. Она начинает разыскивать архивную информацию о Ксеничке, ее родных и людях, упоминаемых в дневнике столетней давности, убеждаясь в достоверности и реальности написанного («Вот ведь чудо – они действительно существовали, сестры Лакомб, их мама и брат Фредерик, проживший аж до 1955 года! Нелл вышла замуж в Германию, туда же уехала Маргерит... Все это было на самом деле» [\[21, с. 267\]](#)) или, напротив, находя подтверждения того, что Ксеничка могла ошибаться в своих суждениях или не владеть полнотой информации о тех, с кем имела дело («Петр с Владой ушли в спальню, гулять не хотелось, вообще ничего не хотелось. Ксана снова включила ноутбук и набрала в поисковике: “Нина – племянница П. И. Чайковского”. Просмотрела генеалогическое древо, каких только имен не встретила, кроме одного-единственного, нужного. Похоже, мама Нины Чайковской, той девочки из Лозанны, была самозванкой – Ксеничкина подруга не имела никакого отношения к автору “Пиковой дамы” или была совсем уж дальней родней» [\[21, с. 311\]](#)).

В романе буквально цитируется ряд реально существующих архивных документов, касающихся как Ксенички, так и ее мужа и брата. Вводится интервью с женщиной, знакомой с ней. Героиня, известная Ксане только по исписанным тетрадях обретает плоть, место в мире, достоверность.

С другой стороны, сам роман имеет посвящение от автора – моей бабушке Ксении Михайловне Левшиной. Именно таково полное имя Ксенички. А в словах благодарности, напечатанных после эпилога, говорится, что в книге описано много действительно происходивших событий. Более того, в своих интервью А. Матвеева неоднократно повторяет, что сам роман был задуман как описание жизненной истории ее бабушки, а материалом послужили не только разного рода документы и беседы с теми, кто ее знал, но и личные дневники, которые Ксения Михайловна вела вплоть до самой смерти в 1965 г. Причем, что самое значимое в данном случае, часть текста романа – это непереработанные фрагменты из тех самых дневников. То есть личный, интимный эго-документ, изначально не предназначавшийся для сторонних глаз и попадающий, по определению ранее упомянутых нами исследователей, в класс внеэстетических, нефункциональных текстов, оказывается не просто встроенным в художественный текст, именно он и дает рождение тексту функциональному. Любопытно, что при этом не происходит усиления достоверности истории Ксаны. Напротив, сам образ Ксенички и написанное ею начинает утрачивать какую-либо связь с реальной действительностью. Об этом свидетельствуют, в частности, читательские рецензии на сайтах книжных интернет-магазинов, сервисах электронных книг и электронных библиотек (Лабиринт, ЛитРес, Livelib.ru, Mybook и т. п.), в которых предъявляется претензия, что Ксеничка, в отличие от Ксаны, у автора получилась какая-то скучная: в стране происходят глобальные перемены, а она их будто и не замечает. Ее больше волнует, что она не знает, что делать с непотрошенным гусем, которого чудом удалось добить. В ее дневнике нет почти ничего, касающегося катаклизмов, которые переживает страна, но зато излишне много говорится об изменениях мужа и болезнях детей. Отмечают читатели и обнаруживающееся в ранних дневниках некоторое несоответствие возраста Ксенички и ее манеры письма, что интерпретируется ими как недостаточная выверенность авторского стиля. И в то же время упоминание в одном из фрагментов реального дневника Антона Деникина просто как юноши, которому помог отец Ксенички, читатели воспринимают не как события, которые имели место в реальной действительности, а как успешный авторский ход А. Матвеевой.

На наш взгляд, такое очевидное размытие условной границы между nonfiction и fiction

обусловлено прежде всего тем, что в романе устанавливается своеобразная иерархия авторов присутствующих в нем текстов. Есть Ксеничка, пишущая свой интимный дневник, но она одновременно является персонажем истории, выстраиваемой Ксаной, которая в свою очередь «пишет» и собственную жизнь, в прямом и переносном смысле, поскольку в некоторых главах она говорит о себе в третьем лице, о чем читатель узнает далеко не сразу: «Лучше бы вел дневник, как сама Ксана. Напишешь пару страниц о своих горестях, и становится легче. Правда, в последнее время Ксана писала в дневнике не так, как раньше. Слова Рината, что ей “надо писать книги”, по-настоящему разволновали, и теперь она пробовала вести записи отстраненно. О себе говорила в третьем лице – не “я”, а “Ксана”. Не автор, а персонаж. Было интересно спрятаться за третье лицо, как за колонну в Доме культуры каких-нибудь работников, и наблюдать происходящее со стороны» [21, с. 331]. Такая подмена я-повествования текстом, якобы порождающимся совершенно иным субъектом речи, на первый взгляд отделенным от героя не только временной дистанцией, но одновременно всеведающим и способным проникать своим взором в самые потаенные уголки его души, наталкивает на мысль, что центральным событием произведения становятся не жизненные коллизии персонажей романа, но сам процесс текстопорождения, позволяющий в данном случае достаточно вольно переключать регистры и типы фокализации. Более того, в эпилоге появляется Анна, внучка Ксении Михайловны Левшиной, которая говорит, что собиралась написать книгу о своей бабушке, но теперь уже не видит смысла, поскольку роман уже написан Ксаной. Реально существующие люди и функциональные герои будто бы постоянно сталкиваются друг с другом в различных ипостасях и конфигурациях. Интересно заметить, что при этом сама Ксана воспринимает себя не столько как писателя, сколько как переводчика: «Моя мечта – переводить с французского на русский хорошие книги. Переводчик – он ведь тоже по сути писатель, хоть и переводит чужие мысли, как слепых старушек через улицу» [21, с. 348]. В этом ракурсе само творчество писателя можно интерпретировать как своеобразный «перевод» действительной реальности в эстетическую.

Примечательно также, что и дневники Ксенички – это тоже далеко не всегда я-повествование. Во второй части романа появляется некий всеведущий нарратор, а она становится, пусть и главным, но все же героем описываемых событий. И в этом смысле Ксеничка подобна реально жившей когда-то Ксении Левшиной не более, чем Наполеон и Кутузов в эпопее Льва Толстого похожи на исторические фигуры. Функциональность переводит существующие в действительности объекты в фикцию, имеющую весьма отдаленное отношение к реальному референту. На наш взгляд, то же самое происходит и с самим текстом настоящих дневников К. М. Левшиной. Попав в контекст функционального мира они практически утрачивают связь с фактуальностью и обретают статус объекта осмыслиения: «Самое интересное в мире чтение – это дневники. Как ни старайся сочинить что-то похожее, будет все равно не то. Мама говорит, это потому, что правда всегда побеждает вымысл. <...> Любой дневник – как всякая жизнь – способен стать книгой, у которой найдется хотя бы один читатель. <...> В каждой жизни наступает такой момент, после которого ничего не изменится. А вот тексты можно редактировать вечно. Единственное исключение – дневники, их сразу пишут набело. В литературе можно скрывать подробности и скрываться самому. В дневнике ты всегда голый, как на приеме у врача» [21, с. 345–346]. Заметим, что эти слова Ксаны рифмуются с мыслями, высказанными и самой Ксеничкой: «Я не знаю, как жила бы, если бы не мой дневник... Здесь я пишу обо всем честно, без опасений быть неверно понятой и незаслуженно наказанной» [21, с. 143].

Рассказываемым событием в романе, таким образом, становятся не только и не столько истории жизни двух героинь, но и взаимодействие фактуального и фикционального, интимного эго-документа и романа, само писание любого текста, как художественного, так и документального, и осмысление жизни как эстетического объекта. Роман с дневником, подзаголовок, данный автором, в данном случае можно интерпретировать не только как фиксацию наличия двух разнородных и разнофункциональных жанров, но и их взаимодействие, отношения, складывающиеся в пределах единого текста.

Библиография

1. Vaihinger H. *The Philosophy of "As If": A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind*. London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 314 p.
2. Hamburger K. *The Logic of Literature*. Bloomington: Indiana University Press, 1973. 369 p.
3. Серль Дж. Логический статус художественного дискурса // *Логос*. 1999. № 3 (13). С. 34–47.
4. Riffaterre M. *Fictional Truth*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. 137 p.
5. Iser W. *The Fictive and the Imaginary. Charting Literary Anthropology*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1993. 347 p.
6. Женетт Ж. Вымысел и слог (*Fictio et dictio*) // Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике. В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 342–451.
7. Изер В. Акты вымысла, или Что фиктивно в фикциональном тексте // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология: Пер. с нем. / Сост. Д. Уффельман, К. Шрамм. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 186–216.
8. Гилязова О. С. Проблема критериев вымысла в художественном мире // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3-х ч. Ч. 3. С. 17–19.
9. Золотухина-Аболина Е. В. Проблема вымысла: между фантазией и реальностью // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. № 1. С. 148–159.
10. Клейменова В. Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2011. № 143. С. 94–102.
11. Клейменова В. Ю. Фикциональность и фантастичность как характеристики текста // Царскосельские чтения. 2012. XVI. С. 279–283.
12. Фаустов А. А. О фракциях литературных текстов: к обоснованию понятия // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012. № 2. С. 34–38.
13. Nielsen H. S., Phelan J., Walsh R. Ten theses about fictionality // *Narrative*. 2015. Vol. 23, iss. 1. P. 61–73.
14. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Синтез документального и художественного кодов в повести Дэйва Эggerса «Монах из Мохи» // Филология и человек. 2023. № 1. С. 192–202.
15. Миннуллин О. Р. Документальное начало в художественной литературе в свете ценностно-онтологического подхода // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2023. № 1 (71). С. 127–137.
16. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 1. Автобиография // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 32–48.

17. Шмид В. Нarrатология. М.: Яз. славян. культуры, 2003. 312 с.
18. Болдырева Е. М. Дифференциация фактуальных и функциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 34–44.
19. Кучина Т. Г. «Я»-повествование в современной русской прозе: функциональный и фактуальный аспекты автобиографического текста // Вестник КГУ. 2006. № 6. С. 91–93.
20. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культуры, 2003. С. 69–263.
21. Матвеева А. Каждые сто лет. Роман с дневником. М.: Редакция Елены Шубиной, 2022. 768 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К вопросу о границах функциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей жанра, в котором создал произведение автор, так как «Дневник» это и не дневник в классическом понимании, с другой стороны, его сложно рассматривать и как чисто литературное произведение. Кроме того, феномен дневника как жанра, зачастую, привлекает внимание не только филологов, но и психологов, историков, социологов, что является междисциплинарным исследованием.

Практическим материалом исследования послужило опубликованное в 2022 г. и ставшее финалистом «Большой книги» произведение А. Матвеевой «Каждые сто лет».

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В вводной части слабо представлена разработанность вопроса в науке, что не позволяет в полной мере вычленить авторскую новизну. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены научные труды как на русском, так английском языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников, смешение работ на иностранном и русском языках.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведению, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К вопросу о границах функциональности рассказанного события. «Каждые сто лет. Роман с дневником» А. Матвеевой» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Федорова Н.В., Шведова К.В., Зимина В.П., Дудукалов Е.В. — Мифознаки в контексте анализа языка англоязычных произведений жанра фэнтези и их отличия от окказионализмов и онимов // Филология: научные исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.8.43711 EDN: WDVBJA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43711

Мифознаки в контексте анализа языка англоязычных произведений жанра фэнтези и их отличия от окказионализмов и онимов

Федорова Наталья Владимировна

ORCID: 0000-0002-2808-9399

кандидат исторических наук

доцент кафедры «Иностранный язык в сфере социогуманитарных наук», Донской государственный технический университет

344000, Россия, г. Ростов-На-Дону, площадь Гагарина, 1

✉ fnav@mail.ru

Шведова Карина Васильевна

ORCID: 0000-0002-9043-5782

кандидат философских наук

доцент кафедры «Иностранный язык в сфере социогуманитарных наук», Донской государственный технический университет

344000, Россия, г. Ростов-На-Дону, площадь Гагарина, 1

✉ 79286228854@yandex.ru

Зимина Вера Павловна

ORCID: 0000-0003-3009-5533

старший преподаватель кафедры «Иностранный язык в сфере технических наук и технологий», Донской государственный технический университет

344000, Россия, г. Ростов-На-Дону, площадь Гагарина, 1

✉ vp-zimina@yandex.ru

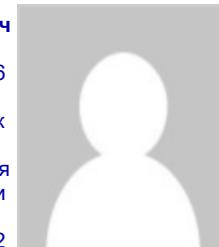
Дудукалов Егор Владимирович

ORCID: 0000-0002-6653-0026

кандидат экономических наук

Профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82

✉ edudukalov@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.8.43711

EDN:

WDVBJA

Дата направления статьи в редакцию:

04-08-2023

Аннотация: Объектом исследования является жанр фэнтези, его художественный мир и язык. Обращает на себя внимание то, что, не удовлетворяясь существующими терминами, такими как «окказионализмы», «литературные онимы», которые используются при анализе и описании лингвистических особенностей произведений жанра фэнтези, но не отражают специфику фэнтези, авторы вводят новые понятия. Предметом исследования являются мифознаки в жанре фэнтези. Материалом для исследования послужил англоязычный роман Н. Геймана «Neverwhere», из которого методом сплошной выборки были отобраны мифознаки, характеризующиеся отсутствием реального денотата и образующие денотатное пространство псевдомира в фэнтези. Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания термина «мифознак» (в контексте фэнтези). Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в практике художественного перевода и в учебных целях. Выявлено, что значительная часть мифознаков являются авторскими номинациями, что сближает их с окказионализмами. Тем не менее они не всегда создаются авторами фэнтези: в функции мифознаков используются и конвенциональные языковые единицы. В этом случае автор изменяет их структуру и смысловое наполнение. С другой стороны, мифознаки не всегда являются именами собственными, следовательно, не аналогичны онимам.

Ключевые слова:

фэнтези, мифознак, окказионализм, оним, английский язык, русский язык, денотат, концепт, псевдомир, семиотика

Актуальность исследования определяется непреходящей и растущей популярностью фэнтези, в рамках которого авторы могут создавать собственные миры и вселенные, населенные различными существами. С одной стороны, самим творцам слова это дает уникальные возможности для творчества, самовыражения, включая возможность через параллели и аллюзии донести мысли и идеи, которые по тем или иным причинам не могут быть высказаны напрямую или в рамках текстов других жанров. С другой стороны, создавая новые миры в фэнтези, авторы формируют новую лексику и фразеологию, экспериментируют с возможностями естественных языков и даже конструируют искусственные языки. Все это дает широкое поле как для исследований в рамках языкознания, так и для междисциплинарных исследований.

Теоретические основания, материалы и методы

Предметом исследования являются мифознаки в жанре фэнтези в сопоставлении с

окказионализмами и онимами в контексте лингвистического изучения и описания языка произведений этого жанра. Новизна исследования заключается в расширении теоретизации феномена «мифознаков» как языковых единиц в контексте произведений жанра фэнтези.

В ходе работы использовались методы: лингвистического наблюдения и описания, сравнительного анализа и классификации, сплошной выборки. В основе теоретической базы исследования лежат труды таких исследователей, как М. Ф. Третьякова (Мисник), О. И. Бродович, С. С. Галиев, С. В. Плотникова, И. Е. Черкасов и других. Материалом для исследования послужил роман Н. Геймана «Neverwhere».

Обсуждение и результаты

Фэнтези рассматривают как разновидность фантастики, образно говоря, как круг внутри круга, где прослойка между внутренним и внешним кругами – это миметический вымысел, который привязан к известной реальности (миметическая или «реалистическая» фантастика) [\[1, с. 133-135\]](#). В пределах внутреннего круга фэнтези, где повествуется о том, что в настоящее время является нереальным, – есть еще меньший круг, подмножество внутри подмножества. Это – научная фантастика. Отталкиваясь от концепта «Новум» (Novum в переводе с латинского «новая вещь», «новое»), под которым исследователи фантастики понимают какой-то новый элемент, нечто, что отличает вымысел от реальности в том виде, в каком она существует в настоящее время, можно провести границу между научной фантастикой и фэнтези: научная фантастика настаивает на том, чтобы новум был объясним терминами, соответствующими условно сформулированным естественным законам; фэнтези такому требованию не отвечает. В качестве примеров новума можно назвать колонизированную планету, лазерные пушки, роботов. Новум – это познавательный аспект научной фантастики, технологическая и научная экстраполяция от «здесь и сейчас», техно-научное ядро повествования, существенное для всего повествования и отделяющее его от фэнтези [\[2\]](#).

Более компактно можно сформулировать определение следующим образом: миметическая фантастика реальна, фэнтези – нереален; научная фантастика нереальна, но естественна, в отличие от фэнтези, где речь идет о нереальном и сверхъестественном. Отсюда можно вывести простое определение фэнтези, от которого мы будем отталкиваться в ходе выполнения исследования, – это вымысел о невозможном (хотя это определение очень широко и относительно условно, будем отталкиваться от него в рамках данной работы, поскольку как в отечественном, так и в западном литературоведении проблема определения фэнтези и его границ дискуссионна [\[3, с. 14\]](#)).

При этом, то, что мы считаем естественным или возможным, зависит от реальности данной культуры на данном уровне развития цивилизации (так называемая консенсусная, то есть общепринятая, общепризнанная реальность); но сама идея такой реальности является идеалом, а не абсолютом: на практике существует столько реальностей, сколько личностей, обладающих сознанием. Поэтому, например, читатель, который верит в астрологию, может отнести к научной фантастике произведение, которое физик, специализирующийся на исследованиях в космической сфере, таковой не посчитает. Можно говорить и о том, что конкретная реальность, от которой отталкивается и к которой стремится научная фантастика, есть реальность научного сообщества. А из такого рода аргументации вытекает следующий парадокс. Поскольку естественные законы бытия – это то, что мы начинаем понимать лишь постепенно, в продолжение веков, то, что исследователи продолжают дополнять, поскольку фантастика одного

периода регулярно становится фэнтези следующего.

Галиев С. С., обобщив работы ряда исследователей, указывает несколько базовых дефиниций понятия «фэнтези»:

«1. Самая многочисленная группа, представленная энциклопедиями и литературными словарями, относит фэнтези к особому виду волшебной сказки.

2. Группа представляет мнение исследователей, основывающих фэнтези на размытых понятиях сверхъестественного, иррационального и необъяснимого.

3. Группа определяет фэнтези как сложные синтетические жанровые конструкции» [\[4\]](#).

С. Н. Плотникова доказывает, что концептуальным стандартом жанра фэнтези является «аномальный художественный мир» – мир, который организован на основе других общеструктурных принципов, нежели обычный «наш» мир. Этот мир не характеризуется прямой проективностью и отражательностью, он вторичен относительно «нормального», обычного художественного мира и может существовать только на фоне последнего. Именно соответствие данному стандарту автор называет необходимым условием для отнесения того или иного текста к фэнтези [\[5, с. 265\]](#).

М. Ф. Мисник указывает, что когнитивная модель жанра фэнтези наблюдается впервые в XIX в. в ряде сказочно-фантастических произведений. Но говорить о фэнтези в XIX в. еще рано. Разделяя положения С. Н. Плотниковой о концептуальном стандарте фэнтези, исследователь отмечает, что в XIX в. этот стандарт еще не сформировался и самые ранние произведения, основанные на новой концептуальной установке, находились на стыке жанров – «в межжанровом пространстве». Реконструируя историю фэнтези как отдельного жанра, М. Ф. Мисник доказывает, что именно в XX в. фэнтези полностью отделился от других жанров, а его инвариантная когнитивная структура определяется вышеназванным жанрообразующим концептом «аномальный художественный мир» [\[6, с. 4\]](#).

С точки зрения лингвистики, основные особенности аномального художественного мира фэнтези – это, во-первых, исключительно лингвистическая природа сущностей этого мира (в реальности у них нет аналогов, а следовательно, они существуют только как денотаты мифознаков – особых языковых средств); во-вторых, интерпретация вымышленного мира читателем (а также героями, которые входят в него из обычного художественного мира) на базе субъективных модальностей кажимости, странности, неожиданности. Также характерно функционирование в псевдомире выдуманного языка (не всегда, но часто аномальные сущности коммуницируют посредством искусственного языка) [\[6, с. 17\]](#).

Возьмем за основу определение художественного мира, данное И. В. Фоменко: это мир, созданный писателем, уникальный и самодостаточный, воплощенный в произведении (произведениях) автора [\[7, с. 20\]](#). А «аномальный» художественный мир, о котором мы читаем в фэнтези, есть такой особый мир, для которого не характерны ни «отражательность», ни «прямая проективность» [\[8, с. 107\]](#). То есть он не отражает реальный, обычный мир.

Исследователями давно и тщательно разработаны понятия «окказионализм» и «оним». В этой связи в рамках данной статьи не будем подробно останавливаться на их содержании. Отметим, что выделяют окказионализмы:

- 1) фонетические (в качестве морфемы новообразования автор использует какую-либо фонему, которая несет в себе определенную семантику);
- 2) лексические (соединение существующих в языке морфем; при этом уникальность новообразования заключается именно в факте их соединения, а не в самих компонентах слова);
- 3) грамматические (сочетания, в которых семантика слова не согласовывается с его грамматической формой);
- 4) семантические (слова, обретшие новое значение в художественном контексте);
- 5) окказиональные (необычные) сочетания слов [\[9\]](#).

В свою очередь, книжные имена собственные можно разделить на две группы:

- 1) сформированные авторами по существующим моделям и даже не всегда отличимые от реальных имен, фамилий и названий (такие имена и наименования выполняют функцию, присущую именам собственным вообще: соотносятся с конкретным персонажем или объектом, локализуя его во времени и пространстве);
- 2) совмещающие характеристики собственного и нарицательного имен (они, с одной стороны, указывают на объект мысли, а с другой, - характеризуют его с иронической, сатирической и т.п. точки зрения): прозвища, окказиональные антропонимы и топонимы. Смыслоное имя сродни тропу (метафоре, сравнению), оно придумывается автором с опорой на существующие в ономастике модели и традиции, в целях характеристики персонажа, социальной среды, в стилистических целях и т.п. [\[10, с. 160-161\]](#).

Однако, не удовлетворяясь вышеназванными терминами, исследователи вводят новые терминологические единицы для обозначения лексических единиц, создаваемых авторами фэнтези. Надо уточнить также, что авторы произведений данного жанра создают целые миры – продукты внутренней работы сознания, переструктурированные варианты нашего обычного мира, ограниченные от него и наполненные многочисленными аномалиями – тем, чего в обычном мире не наблюдается. Так, у Дж. Роулинг это Хогвардс с порталом на вокзале Лондона, а у Дж. Р. Толкина – Средиземье и т.д. В таких мирах свой хронотоп (созависимость пространства и времени), особая система персонажей, у которых имеются специфические свойства.

Аномальность таких миров реализуется, в частности, при помощи «мифознаков», то есть семиотических структур, для которых характерно, во-первых, отсутствие реального денотата, а во-вторых, концептуальная соотнесенность с такими понятиями, как «волшебное», «чудесное» и т.п., на что указывают И. Е. Черкасов, О. И. Бродович [\[11, с. 180\]](#). Наиболее подробно понятие «мифознак» в контексте фэнтези раскрыто в диссертационном исследовании М. Ф. Третьяковой (Мисник) «Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов» [\[6, с. 159\]](#) и ее опубликованных работах [\[12-15\]](#). Концепция М. Ф. Третьяковой (Мисник) легла в основу теоретической базы данного исследования.

Физическое пространство мира фэнтези, как указывает М. Ф. Мисник, является концептуальным и денотатным пространством. Для описания сконструированного – аномального – мира нужны аномальные денотаты (не наблюдаемые в нашем мире). Такие денотаты, по М. Ф. Мисник, организуют физическое пространство фэнтезийного мира, но являются культурнообусловленными (поскольку относятся к сфере

коллективного бессознательного) и в то же время представляют собой продукт авторского сознания. Именно авторское сознание управляет искусственной номинацией, объектами которой в фэнтези являются существа, предметы, явления, не имеющие аналогов в реальном мире, экстраординарные для нашего сознания [\[16, с. 9-10\]](#).

Аномальные денотаты существуют в виде концептов, имеющих не материальное, а дискурсивное воплощение. Для обозначения слов с аномальными денотатами исследователь предлагает использовать термин «мифознак» (это семиотическая структура, характеризующаяся отсутствием реального денотата и соотносимая с понятиями «чудесное, волшебное»). Мифознаки в совокупности образуют картину, денотатное пространство псевдомира – странного, аномального мира фэнтези. Мифознаки, используемые при конструировании аномального мира, могут быть и конвенциональными, устойчивыми, и тогда носители языка соотносят данные лексемы с определенными образами, благодаря знакомству с мифологией, легендами, произведениями изобразительного искусства и т.п. [\[16, с. 9-10\]](#).

При этом, значение мифознака, актуализированное в определенном тексте, может не совпадать с его словарным значением. То есть в рассматриваемом аномальном мире может быть подвергнута изменениям структура и смысловое наполнение конвенциональных мифознаков (таких, как, например, spirit, ghost, elf, troll, faun, goblin, ogre, witch, wizard: их значение, зафиксированное в словарях, стало конвенциональным, однако авторы фэнтези трансформируют эти привычные значения). Писатели нередко наполняют новым смыслом содержательную сторону мифознака: расширяют, по-своему преломляют. Так, для мифознака *elf* в словаре зафиксированы значения: «an imaginary creature like a small person with pointed ears», «type of a small fairy, mischievous little creature». А Дж. К. Роулинг, как создатель мира фэнтези, предлагает читателю свое представление о данных существах, конструируя домашнего эльфа (*house-elf*) [\[16, с. 10\]](#). Мифознаки в фэнтези относятся как к предметной, так и к пространственной, и к событийной сферам. При этом прослеживается зависимость: чем больше мифознаков в денотатном пространстве фэнтези, тем более аномальным кажется мир фэнтези, тем менее схож он с миром реальной действительности [\[16, с. 14\]](#).

Роман «Никогда» возник из сценария одноименного сериала, написанного Нилом Гейманом в 1996 г. для BBC. В том же году автор выпустил книгу, расширив и дополнив сюжетные линии этой истории. Эта адаптация является полноформатным фэнтези-произведением. Действия романа разворачиваются в загадочном Нижнем Лондоне. Этот мир полон опасностей, его обитатели – святые и монстры, убийцы и ангелы, а слово в нем обретает магическую силу. Главный герой Ричард – обычный житель Лондона, однажды спас на улице раненую девушки. Из-за нее он попал в Нижний Лондон, где начались его приключения. Он был вынужден пройти множество испытаний, победил Зверя, стал воином и обрел друзей, а в конце должен был раскрыть заговор против Бога и решить, жизнь в каком Лондоне он ценит больше. Произведение наполнено отсылками к явлениям британской культуры, названиям реальных мест Лондона и именам исторических личностей. По этой причине Н. Гейман даже выпускал разные версии романов – британскую и адаптированную американскую. На данный момент издательства выпускают одобренный автором вариант, содержащий в себе части обеих версий [\[17\]](#). На русский язык роман выходил в двух переводах: первый – «Задверье» – выполнен А. А. Комаринец [\[18\]](#), второй – «Никогда» – М. А. Мельниченко и Н. Л. Конча [\[19\]](#).

Методом сплошной выборки из романа было отобрано 56 единиц, которые соответствуют

определению мифознаков, приведенному выше. Они распределены на группы в соответствии с классификацией М. Ф. Мисник [\[16, с. 12-13\]](#).

1. Предметные мифознаки.

а) Имена и наименования людей, обладающих особыми способностями, а также человекоподобных фантастических существ.

Одним из интереснейших решений автора можно назвать выбор говорящих имён для семьи главной героини, которую зовут *Door*. Все члены данной семьи обладали магическими способностями открывать проходы в абсолютно любое место. Отца девушки зовут *Lord Portico*, его имя в переводе означает «портик» – вход в здание, состоящий из колонн и арок. Его жена *Portia*, обладает именем, которое отсылает читателей к слову «portal», подчеркивая ее способности открывать порталы. Брата Двери звали *Arch* (арка, свод), а сестру *Ingress* (перевод с английского – вход).

Одной из героинь романа является женщина по имени *Serpentine*. В переводе с английского «serpent» означает змею, а знаком Серпентины являлось это пресмыкающееся. Само имя возникло из названия озера *Serpentine*, своей формой напоминающего змею. Озеро находится в Лондоне, в Гайд-парке. По сюжету *Serpentine* является одной из семи могущественных сестер.

В романе защитниками ключа являются доминиканские монахи, названные «черными» из-за цвета их одеяний и наделенные «черными» именами:

Brother Jet – *jet* в переводе с английского означает «гагат», который также известен как черный янтарь, черная яшма;

Brothe Fuliginous – покрытый сажей, закопченный.

Brother Sable – *sable* означает «черный, траурный, мрачный».

Brother Tenebrae (лат. темнота, потемки, мрак) – Темная утреня (три утренние службы, совершаемые в католической традиции в последние три дня Страстной недели).

Человек по имени *Illiaster* первым привел Ричарда в Нижний Лондон. Илиастр – это термин, который ввел Парацельс. Он обозначает первичную материю, включающую в себя тело и душу. Примечательно, что это один из немногих героев, который может жить в двух мирах одновременно.

К окказиональным именам собственным близки также мифознаки *Mister Vandemar* и *Mister Croup* (имена злодеев), *Anaesthesia* (имя крысистки), *the Fop With No Name* (имя телохранителя).

В романе все существа боятся встречаться с пастухами и пастушьей Королевой (*Shepherd Queen*).

Rat-speakers – жители Нижнего Лондона, поклоняющиеся клану серых крыс.

Sewerfolk – народ, обитающий в канализациях. С ними не хотят взаимодействовать даже обитатели «нереального» Лондона.

Для обитателей Верхнего Лондона персонажи романа используют слово *upworlder*, которое образовано путем сложения: *up + world + суффикс -er*.

Многие персонажи имеют имена, совпадающие с названиями мест Лондона. Например,

персонаж *Hammersmith* – кузнец и друг главной героини. *Hammersmith* – станция метро и район в западной части Лондона. Во время правления королевы Виктории это была промышленная зона, где располагалась крупнейшая в городе электростанция.

Old Baile (букв. старина Бейли) в реальном мире является наименованием, которое жители Лондона используют для Центрального Криминального суда Англии (по названию улицы, на которой он находится). Этот герой произведения – некая сатира на судебную власть. Он – вор и аферист, но при этом верный друг, который всегда помогает и дает ценные советы.

Анtagонист романа – *Angel Islington*. Его имя происходит от названия части района Ислингтон в Лондоне. Ранее там располагался паб «Angel», благодаря которому в современное время этот район также называется «Angel Islington».

Бойца, который боролся за право стать телохранителем главной героини, звали *Ruislip*. В реальном мире так называется район в западной части Лондона.

The Crouch Enders – жители параллельного Лондона, но в нашем мире – станция метро.

Персонаж *Olympia* позаимствовала имя у выставочного зала Верхнего Лондона.

б) Наименования фантастических животных.

The Great Beast of London – это огромный зверь, сотни лет живущий в туннелях под Лондоном. По описанию он похож на вепря, размером с легковую машину. При его создании, Нил Гейман опирался на легенду о живущих в канализации Лондона особых черных свиньях.

Velvets – вампиры, обитающие в Нижнем Лондоне;

Miss Whiskers – имя крысы, которая доставляла послания главных героев.

The Golden – клан золотых крыс.

The Grey – клан серых крыс, которому поклоняются жители Нижнего Лондона, называющие себя *Rat-speakers*.

Master Longtail – имя крысы.

The Great Weasel – огромная ласка, обитающая в городе под Бангкоком.

в) Название волшебного орудия-артефакта.

В романе фигурирует ключ, который главная героиня Дверь должна принести Ангелу от черных монахов. За это Ангел обещает узнать, кто был заказчиком убийства семьи Портико. А чтобы получить ключ, герои по очереди проходят испытания.

2. Пространственные мифознаки.

Само название произведения «Neverwhere» создано путем сложения слов *never* – никогда и *where* – где. Автор создал данный окказионализм-мифознак для того, чтобы подчеркнуть, что описанный им мир существует вне времени и пространства.

По сюжету существует обычный (Верхний) Лондон и параллельный мир Нижнего Лондона, который во многом пересекается с реальным городом.

Seven Sisters – станция метро и район в северной части Лондона. Район получил такое

название из-за семи вязов, растущих там. Кроме того, так называются меловые скалы, расположенные вдоль южного побережья Англии.

Black friars (букв. «черные монахи») – это район, станция метро и мост в Лондоне. В 1276 г. на месте этого района поселились доминиканские монахи, которых называли «черными» из-за цвета одеяний (о них – выше). Так возникло название этих мест.

Иногда жители Нижнего Лондона рассказывают об опасных и загадочных местах, например, «*Shepherd's Bush*». Они говорят, что все существа боятсяходить туда. А в Верхнем Лондоне так называется район, который получил свое название из-за располагавшегося там ранее места отдыха пастухов.

Многие имена и названия упоминаются героями романа вскользь. Так, *the Mayfair* – это ярмарка, проходящая в Нижнем Лондоне, а в реальном мире это район Вест-Энда и название гостиницы.

Пространственные мифознаки, которые служат для разделения двух миров, часто сопоставимы с окказиональными именами собственными. Например:

- *Upside, Upworld* и *London Above* являются названиями, которые персонажи романа используют для «реального» Лондона;
- *Underside* и *London Below* – это мир, который находится под Лондоном;
- *Undercity beneath Bangkok* – название магического мира, который находится под городом Бангкок;
- *Undersideline* – подмирная ветка метро, которой не существует на самом деле;
- *the House Without Doors* или *the House of the Arch* – это место, где жила главная героиня *Door* со своей семьей.

Особое внимание привлекает группа мифознаков, в основе которых – названия реальных мест Лондона, обретающие в произведении новый смысл. Так, жители Нижнего Лондона используют фразу «*Temple and Arch*» в качестве междометного выражения, которое олицетворяет какую-то высшую силу, способную помочь героям и защитить их в моменты опасности.

Словом «*Temple*» называют две юридические корпорации Лондона, чьи здания занимают крупную территорию на пересечении границ Сити, Вестминстера и Холборна, рядом с районом и станцией метро «*Temple*». В XII веке на месте этого района располагался квартал, принадлежащий ордену тамплиеров.

«*Arch*» является отсылкой к знаменитому апелляционному суду «*Court of Arches*», заседания которого происходили в церкви Сент-Мэри-ле-Боу (англ. St. Mary-le-Bow). Из-за слова «bow» (арка) в названии церкви, у суда появилось название «Суд Арок».

Сочетание «*Temple and Arch*» наводит на мысли о справедливости и силе, связанных с судом, а также о добродетели и надежде, ассоциирующихся с храмом.

По сюжету романа герои должны перейти мост «*Knightsbridge*» (букв. «Рыцарский мост»). В реальном мире это название района Лондона, в котором находятся самые роскошные магазины города. А в мире Нижнего Лондона это опасный магический мост, на котором «обитала ночь». Автор использует игру слов, так как слово «night» (ночь) сходно по звучанию со словом «knight» (рыцарь).

Также в произведении фигурирует место «*Earl's Court*» (букв. «двор графа») – это поезд метро, в котором живут граф и его подданные. Но в нашем мире это станция метро и район Лондона, которые получили такое название благодаря графам Оксфорд. Они были крупными землевладельцами, проживающими на этой территории долгие годы. Кроме того, упоминаются также «*Barons Court*» и «*Ravens court*», которые обрели новое значение по такому же принципу.

Станцию метро «*Down Street*» закрыли еще в 1932 г., а во время Второй мировой войны превратили в бомбоубежище. Но в Нижнем Лондоне это винтовая лестница, которая ведет вниз к лабиринту «Великого Лондонского Зверя».

3. Событийные мифознаки (наименования традиций, обычаев).

Например, *floating market* – плавучий рынок – рынок для торговли между жителями Нижнего Лондона, который каждую неделю менял свое местоположение; отсюда – *markettruce* – перемирие, которое действовало только в определенный момент, когда работал данный рынок.

Выводы

Физическое пространство мира фэнтези является концептуальным и денотатным. Чтобы описать аномальный мир, сконструированный в фэнтези, нужны аномальные же денотаты (не наблюдаемые в нашем мире, существующие лишь в виде концептов). Такие денотаты являются продуктом авторского сознания, но культурно обусловлены. Они организуют физическое пространство мира фэнтези, а авторское сознание управляет искусственной номинацией, объектами которой в фэнтези являются существа, предметы, явления, не имеющие аналогов в реальном мире, экстраординарные для нашего сознания. Сравнительно недавно для обозначения слов с аномальными денотатами в научный оборот введен термин «мифознак» – такая семиотическая структура, которая характеризуется отсутствием реального денотата и соотносима с понятиями «чудесное, волшебное» (по М. Ф. Мисник).

Различия между мифознаками, окказионализмами и разного рода онимами, отмечаемыми в произведениях жанра фэнтези исследователями, систематизированы нами по итогам анализа как работ по данной проблематике, так и материала исследования, и представлены наглядно в виде обобщающей таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Различия и сходства мифознаков, окказионализмов и онимов в контексте описания картины мира фэнтези

	Мифознак	Окказионализм	Оним
Различия	Мифознаки не всегда являются именами собственными с грамматической точки зрения и не всегда создаются (придумываются) авторами фэнтези: иногда в функции мифознака используется	Авторские неологизмы могут не быть именами собственными, создаются автором специально для произведения (серии произведений).	Онимы – это имена собственные. Могут быть как окказиональными, так и конвенциональными: данный термин не говорит о новизне.

	конвенциональная языковая единица.		
	Термин специфичен для фэнтези.	Термин неспецифичен для фэнтези.	Термин неспецифичен для фэнтези.
Сходства	Различные авторы обозначают этими терминами аномальные денотаты мира фэнтези.		
	Являются безэквивалентными единицами с точки зрения перевода.		

Итак, большинство мифознаков являются авторскими номинациями. Значительная часть мифознаков с лингвистической точки зрения сопоставима с окказионализмами. Однако в ряде случаев такая интерпретация невозможна. Мифознаки, используемые при конструировании аномального мира, могут быть и конвенциональными, устойчивыми, и тогда носители языка соотносят данные лексемы с определенными образами, благодаря знакомству с мифологией, легендами, произведениями изобразительного искусства и т.п. Если автор фэнтези использует конвенциональные мифознаки (зарегистрированные в словарях, вроде *elf*, *ghost*, *spirit*, *troll*, *witch*, *wizard* и т.п.), то в этом случае он изменяет их структуру и смысловое наполнение, расширяет, по-своему преломляет, поэтому их привычное, словарное значение уже неприменимо.

Библиография

1. Bellis G., Lane C. Mimetic and Nonmimetic Fiction // PMLA / Modern Language Association. 2004. Vol. 119. No. 1. Pp. 133-135. URL: <http://www.jstor.org/stable/1261492> (дата обращения: 05.05.2023).
2. Теория: SF или Sci-Fi? // Лаборатория Фантастики. 09.08.2011. URL: <https://fantlab.ru/blog/article15613page2> (дата обращения: 05.05.2023).
3. Головачева И.В. Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы. СПб.: Петрополис, 2013. 419 с.
4. Галиев С.С. Классификация жанра фэнтези. Произведения Дж.Р.Р. Толкина // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: материалы Восьмых Андреевских чтений / Редкол. Н.Н. Андреева, Н.Т. Пахсарьян, Н.А. Литвиненко. М.: Экон-Информ, 2010. URL: <https://proza.ru/2011/08/13/1098> (дата обращения: 05.05.2023).
5. Плотникова С.Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 4. Жанр и концепт / Отв. ред. В.В. Дементьев. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 262-272.
6. Мисник М.Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 159 с.
7. Фоменко И.В., Фоменко Л.П. Художественный мир и мир, в котором живёт автор // Литературный текст: Проблемы и методы исследования IV: сборник научных статей / Под ред. Л.В. Тарасова. Тверь: Тверской государственный университет, 1998. С. 17-24.
8. Плотникова С.Н. Когнитивные принципы создания аномального художественного мира // Проблемы стилистики и прагматики высказывания текста: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Ладыгин Ю.А. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 1998. С. 106-114.

9. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. URL: <http://window.edu.ru/resource/664/22664/files/babenko.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).
10. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
11. Черкасов И.Е., Бродович О.И. Мифологический знак с позиций антропоцентризма // Антропоцентризм в языке и речи: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л.П. Чахоян. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. С. 174-182.
12. Мисник М.Ф. Лингвистические особенности аномального мира произведений жанра фэнтези // Филология и современное лингвистическое образование: Материалы региональной конференции молодых ученых (Иркутск, 2-4 марта, 2004 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2004. С. 82-83.
13. Мисник М.Ф. Возможный мир произведений жанра фэнтези // Лингвистика Методика. Информатика: фундаментальные и прикладные аспекты: Материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 28 февраля – 4 марта 2005 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 39-41.
14. Мисник М.Ф. Лингвистическая реализация вымышленного мира в жанре фэнтези // Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика. Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности. Вып. 11. Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 93-107.
15. Третьякова М.Ф. Комический эффект в произведениях Т. Пратчетта // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации : сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2017. С. 261-266.
16. Мисник М.Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.
17. Gaiman, N. Neverwhere / Neil Gaiman. New York: HarperCollins Publishers, 2016. 460 р.
18. Гейман, Н. Задверье / Нил Гейман; [пер. с англ. А. Комаринец] // Электронная библиотека BooksCafe.Net. URL: https://bookscafe.net/read/geyman_nil-zadvere-24358.html#p1 (дата обращения: 11.05.2023).
19. Гейман, Н. Никогда / Нил Гейман; [пер. с англ. Н. Конча, М. Мельниченко]. М.: Издательство ACT, 2018. 414 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Художественный мир фэнтези, конечно же, строится посредством языка, поэтической условности, образности, неоднозначности. Как отмечает автор рецензируемой статьи, «актуальность исследования определяется непреходящей и растущей популярностью фэнтези, в рамках которого авторы могут создавать собственные миры и вселенные, населенные различными существами». С данным утверждением сложно не согласиться, причем здесь же следует отметить и некую универсальность жанра фэнтези как для отечественной, так и зарубежной литературы. Предметом данного исследования являются

«мифознаки в жанре фэнтези в сопоставлении с окказионализмами и онимами в контексте лингвистического изучения и описания языка произведений этого жанра». Указанная область соотносится с одной из рубрик журнала, не противоречит концепции научного издания. Новизна работы заключается в расширении теоретизации феномена «мифознаков» как языковых единиц в контексте произведений жанра фэнтези. На мой взгляд, серьезного теоретического запаса работы не имеет, однако, практический ценз в ней явно высок. Методологическая основа исследования следующая: лингвистическое наблюдение и описание, сравнительный анализ и классификация, а также сплошная выборка. Для языкового исследования набор принципов вполне уместен. Во вводной части отмечено, что в основе теоретической базы исследования лежат труды таких исследователей, как М. Ф. Третьякова (Мисник), О. И. Бродович, С. С. Галиев, С. В. Плотникова, И. Е. Черкасов и других. Объект исследования – роман Н. Геймана «Neverwhere». Текст дробится на т.н. смысловые блоки, уровневое деление позволяет потенциально заинтересованному читателю двигаться вслед за автором. Основные тезисы / положения выверены, фактических сбивов нет: например, «фэнтези рассматривают как разновидность фантастики, образно говоря, как круг внутри круга, где прослойка между внутренним и внешним кругами – это миметический вымысел, который привязан к известной реальности (миметическая или «реалистическая» фантастика). – В пределах внутреннего круга фэнтези, где повествуется о том, что в настоящее время является нереальным, – есть еще меньший круг, подмножество внутри подмножества. Это – научная фантастика. Отталкиваясь от концепта «Новум» (Novum в переводе с латинского «новая вещь», «новое»), под которым исследователи фантастики понимают какой-то новый элемент, нечто, что отличает вымысел от реальности в том виде, в каком она существует в настоящее время, можно провести границу между научной фантастикой и фэнтези: научная фантастика настаивает на том, чтобы новум был объясним терминами, соответствующими условно сформулированным естественным законам; фэнтези такому требованию не отвечает», или «с точки зрения лингвистики, основные особенности аномального художественного мира фэнтези – это, во-первых, исключительно лингвистическая природа сущностей этого мира (в реальности у них нет аналогов, а следовательно, они существуют только как денотаты мифознаков – особых языковых средств); во-вторых, интерпретация вымышленного мира читателем (а также героями, которые входят в него из обычного художественного мира) на базе субъективных модальностей кажимости, странности, неожиданности. Также характерно функционирование в псевдомире выдуманного языка (не всегда, но часто аномальные сущности коммуницируют посредством искусственного языка)» и т.д. Материал логически скомпонован, текст имеет внутреннюю связность; смысловые доминанты аргументированы. Отсылки к уже наработанным данным даны правильно, цитации введены с учетом ГОСТ. На мой взгляд, уместно автор работы формирует т.н. литературный контекст, но его можно было бы расширить: «надо уточнить также, что авторы произведений данного жанра создают целые миры – продукты внутренней работы сознания, переструктурированные варианты нашего обычного мира, ограниченные от него и наполненные многочисленными аномалиями – тем, чего в обычном мире не наблюдается. Так, у Дж. Роулинг это Хогвардс с порталом на вокзале Лондона, а у Дж. Р. Толкина – Средиземье и т.д. В таких мирах свой хронотоп (созависимость пространства и времени), особая система персонажей, у которых имеются специфические свойства». Таким образом рисуется некая перспектива изучения вопроса, однако и ее нужно комментировать. Необходимые информативные блоки в работе также присутствуют, они помогают неподготовленному читателю все же с интересом войти в сегмент изучения вопроса: «роман «Никогда» возник из сценария одноименного сериала, написанного Нилом Гейманом в 1996 г. для BBC. В том же году

автор выпустил книгу, расширив и дополнив сюжетные линии этой истории. Эта адаптация является полноформатным фэнтези-произведением. Действия романа разворачиваются в загадочном Нижнем Лондоне. Этот мир полон опасностей, его обитатели – святые и монстры, убийцы и ангелы, а слово в нем обретает магическую силу. Главный герой Ричард – обычный житель Лондона, однажды спас на улице раненую девушку. Из-за нее он попал в Нижний Лондон, где начались его приключения. Он был вынужден пройти множество испытаний, победил Зверя, стал воином и обрел друзей, а в конце должен был раскрыть заговор против Бога и решить, жизнь в каком Лондоне он ценит больше. Произведение наполнено отсылками к явлениям британской культуры, названиям реальных мест Лондона и именам исторических личностей». Классификация «мифознаков» полновесна; автор указывает на предметные мифознаки (наименования фантастических животных, Название волшебного орудия-артефакта), пространственные мифознаки, событийные мифознаки. При этом делается и аналитический разбор-комментарий. Выводы по тексту неформальны, а целостны, табличный вид дает возможность увидеть разницу между «мифознаком», «окказионализмом» и «онимом». Финально замечено, что «большинство мифознаков являются авторскими номинациями. Значительная часть мифознаков с лингвистической точки зрения сопоставима с окказионализмами. Однако в ряде случаев такая интерпретация невозможна. Мифознаки, используемые при конструировании аномального мира, могут быть и конвенциональными, устойчивыми, и тогда носители языка соотносят данные лексемы с определенными образами, благодаря знакомству с мифологией, легендами, произведениями изобразительного искусства и т.п. Если автор фэнтези использует конвенциональные мифознаки (зарегистрированные в словарях, вроде *elf*, *ghost*, *spirit*, *troll*, *witch*, *wizard* и т.п.), то и в этом случае он изменяет их структуру и смысловое наполнение, расширяет, по-своему преломляет, поэтому их привычное, словарное значение уже неприменимо». Работа оригинальна, самостоятельна, интересна; научная новизна исследования заключается в умелом выявлении «мифознаков» в контексте анализа языка англоязычных произведений жанра фэнтези на примере романа Н. Геймана «Neverwhere». Материал может быть использован фактически при изучении специфики жанра фэнтези, работы может стать неким образчиком для написания нового проекта смежно-тематической направленности. Рекомендую статью «Мифознаки в контексте анализа языка англоязычных произведений жанра фэнтези и их отличия от окказионализмов и онимов» к открытой публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аникина Т.В. — Диалектно-разговорные элементы в англоязычном художественном тексте // Филология: научные исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.8.43701 EDN: XDNKXN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43701

Диалектно-разговорные элементы в англоязычном художественном тексте

Аникина Татьяна Вячеславовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков и русской филологии, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

anikishna@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.8.43701

EDN:

XDNKXN

Дата направления статьи в редакцию:

03-08-2023

Аннотация: Данная статья посвящена изучению диалектно-разговорных элементов в художественных произведениях. Основная цель исследования – выявить, проанализировать и охарактеризовать значимость диалектных и разговорных единиц в текстах современной художественной литературы. Автор подробно рассматривает такие понятия как "диалект", "диалектные слова", "разговорные слова". Под диалектно-разговорными элементами в статье понимаются речевые конструкции, характеризующие определенный диалект и сопровождающиеся определенными разговорными элементами. Материалом изучения послужили следующие произведения: "The Secret Garden" by Frances Hodgson Burnett (1911), "When Marnie Was There" by Joan G. Robinson (1967), "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban" by J. K. Rowling (1999). В результате анализа указанных произведений автор приходит к выводу, что функционирование диалектно-разговорных элементов осуществляется на разных языковых уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. На фонетическом уровне используются следующие компоненты – редукция звуков, оглушение или озвончение звуков, неверное чтение окончания ing; на лексическом – употребление устаревших форм частей речи,

использование просторечных слов; на грамматическом – нарушение языковой нормы традиционной грамматики (отсутствие окончания во множественном числе, использование двойного отрицания и т. д.). В языке художественной литературы диалектно-разговорные элементы позволяют ярче охарактеризовать героев, передать индивидуальность их речи, а иногда служат и средством создания сатирической окраски.

Ключевые слова:

художественный текст, диалектология, диалект, диалектные слова, разговорные слова, диалектно-разговорные элементы, фонетический уровень, грамматический уровень, лексический уровень, индивидуальность

Диалектные и разговорные единицы занимают особое место в системе любого языка. Процесс исследования диалектов и разговорной лексики дает богатый и интересный исторический материал, позволяет изучить истоки возникновения языка, углубиться в его историческое прошлое.

Рассмотрим ключевые понятия настоящего исследования. Существует раздел лингвистики, занимающийся изучением территориальных, социальных и других разновидностей языка (диалектов), а также их взаимодействия друг с другом, с языковым стандартом и их взаимовлияние – диалектология. Несмотря на то, что диалекты существовали еще со времен древнеанглийского языка, основательных и подробных исследований на данную тему очень мало.

Большой вклад в развитие диалектологии, особенно английской, внес известный ученый-лингвист М. М. Маковский. В своих работах он выделяет следующие виды диалектов: территориальные (привязанные к определенному ареалу), социальные (присущие определенной социальной группе) и идиолекты (носителем которых являются отдельные индивиды). Социальные диалекты, в свою очередь, включают в себя ряд таких явлений как профессиональные диалекты, объединяющие людей одной профессии или одного рода занятий, жаргоны (арго), представляющие собой видоизмененные или сочетаемые языковые элементы и использующиеся с целью языкового обособления, и сленг, заключающий в себе более сложное понятие [\[1\]](#).

Сленгу М. М. Маковский выделяет особое место среди явлений социального диалекта. Изучив множество разнообразных концепций сленга российских и зарубежных ученых, М. М. Маковский пришел к выводу, что сленг исторически сложился на базе английских территориальных диалектов в определенную языковую норму, выходящую, однако, за пределы обычных диалектов и приобретающую наиболее повсеместный характер среди носителей языка [\[1\]](#).

Рассмотрим основные характеристики диалекта и диалектных слов. Диалект часто противопоставляется языковому стандарту, образцовому и «правильному» языку, и считается отклонением от нормы. На самом деле, по мнению некоторых исследователей, диалект является лишь разновидностью языковой нормы, хоть он и часто действительно противоречит литературному языку. Основные отличия диалектов от языкового стандарта, являющиеся, тем самым, их показательными характеристиками, можно подразделить на фонетические, грамматические и лексические [\[2, 3\]](#).

Основные фонетические отличия диалектов от литературного стандарта состоят в ином произношении ряда звуков и, впоследствии, слов. Отличия могут быть количественными, т.е. долгота звука в диалекте сменяется на краткость или краткость сменяется на долготу, или качественные, впоследствии которых происходит дифтонгизация монофтонгов или монфтонгизация дифтонгов. Частым явлением считается произношение звуков в словах в диалектах, отсутствующих в языковом стандарте [\[2\]](#).

На грамматическом уровне также присутствует много отличий, например, распространенным считается употребление сразу нескольких форм множественного числа у слова, формирование вопросительных и отрицательных предложений без вспомогательного глагола *do*, совпадение форм именительного и объектного падежей и многое другое [\[1, 2\]](#).

Лексика современных английских диалектов отличается крайним консерватизмом. Огромное количество слов, полностью вышедших из употребления уже в конце древнеанглийского и в начале среднеанглийского периода, сохранилось в диалектах [\[2\]](#).

Итак, изучение диалектов позволяет проникнуть в глубь исторического развития английского языка, более точно понять языковую норму и ее становление. Отметим, что большая часть Великобритании до сих пор говорит на различных диалектах, что делает их изучение еще более актуальным для понимания живого языка и социокультурных реалий [\[4\]](#).

Далее проанализируем понятие «разговорной лексики» и рассмотрим ее связь с диалектной лексикой.

И. Р. Гальперин, изучавший стилистику английского языка, выделяет письменный и устный (разговорный) типы речи. Разговорная лексика проявляется в разговорном типе и стиле речи, самым главным образом отличающихся от письменных видов своей непосредственностью и спонтанностью. Под этим подразумеваются основные признаки разговорного типа речи: диалогичность, эмоциональность, непродуманная, спонтанная речь [\[5\]](#).

Именно в разговорной речи можно обнаружить связь между диалектной и разговорной лексикой: реализация диалектов осуществляется именно в разговорном типе речи, так как в письменном типе очень четко закреплены нормы языкового стандарта, а он, как известно, противопоставляется диалектным нормам и часто вступает с ними в противоречие. Диалект – явление, порождаемое и реализуемое в живой речи.

Однако, стоит отметить, что не все черты, свойственные разговорной речи, обязательно являются показателями диалекта. Например, И. В. Арнольд выделяет такие черты разговорной речи, как компрессия (различные сокращения по типу *it's*, *I'm*, *they're* и т.д.) и избыточность (слова-заполнители пауз, слова-паразиты, например, *well*, *you know*, *er*, *like*, т.д.), которые, разумеется, присутствуют и в диалектной речи, но также приняты и в литературном стандарте [\[6\]](#). Поэтому, несмотря на обилие подобных явлений в художественных текстах при письменном отражении устной речи, предметом нашего исследования стали разговорные «элементы-сопроводители» диалекта, не являющиеся общепринятыми в языковом стандарте. Например, среди элементов компрессии, которые с большей вероятностью могут быть характерны именно для диалекта, можно выделить сокращение перфектных форм с помощью опускания вспомогательного глагола *have*. Д. С. Виноградова, анализируя разговорную грамматику английского языка, выделяет

следующие характерные черты: опущение или эллипсис; неправильный порядок слов в предложении; заполнители пауз и маркеры обратной связи; совместное построение высказывания в диалоге и так далее [7].

Что касается непосредственно лексики разговорного типа речи, то она бывает двух типов: общелитературная разговорная лексика и нелитературный слой слов [5]. В нашем исследовании мы рассматриваем нелитературный слой слов разговорного типа речи, исходя из соображений о взаимоисключающем противопоставлении диалектов литературной, языковой норме.

В нелитературный слой слов входит понятие лексического просторечия. Подробно данное понятие проработали в своей работе Т. М. Беляева и В. А. Хомяков. Лексическое просторечие, по мнению авторов, представляет собой совокупность таких языковых явлений как жаргонизм, арго, кент, сленгизм и некоторые другие [8, 9]. Большинство данных явлений как раз и были отнесены М. М. Маковским к явлениям социальных диалектов.

Таким образом, под диалектно-разговорными элементами в данном исследовании понимаются некие речевые (лексические, фонетические, грамматические) конструкции, характеризующие определенный диалект и сопровождающиеся определенными разговорными элементами, также свойственными данному диалекту и помогающими в его текстовом выражении. Отображение диалектных элементов в тексте важно потому, что данные элементы глубоко отражают социокультурный контекст, а разговорные «элементы-сопроводители» придают устной диалектной речи, реализованной в тексте, максимальную реалистичность.

Материалом исследования послужили 3 текста художественных произведений английских авторов, написанных в разные промежутки 20-го века. Подобный выбор художественных произведений позволил нам подчеркнуть диалектное и разговорное разнообразие английского языка и повсеместность его использования. Отобранные тексты представляют собой следующие произведения: "The Secret Garden" by Frances Hodgson Burnett (1911), "When Marnie Was There" by Joan G. Robinson (1967), "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban" by J. K. Rowling (1999). Все 3 произведения являются литературой, предназначенной не только для взрослых, но и для детей.

В первом произведении, написанном Фрэнсис Бёрнетт, главная героиня, девочка Мэри, переезжает к своему дяде, который живет в графстве Йоркшир. Многие персонажи, взаимодействующие с Мэри после ее приезда говорят на йоркширском диалекте, и автор показывает это в основном через особенности фонетики и грамматики йоркширского диалекта. Рассмотрим данные особенности на примерах речи из текста.

В поместье Мэри встречает служанку Марту, говорящую на йоркширском диалекте. Рассмотрим их первый диалог:

"What is that?" she said, pointing out of the window.

Martha, the young housemaid, who had just risen to her feet, looked and pointed also.

"That there?" she said.

"Yes."

"That's **th'** moor," with a good-natured grin. "**Does tha' like it?**"

"No," answered Mary. "I hate it."

"That's because **tha'rt** not used to it," Martha said, going back to her hearth.

"**Tha' thinks** it's too big **an'** bare now. But **tha'** will like it."

В данном отрывке мы можем наблюдать, как автор с помощью апострофа обозначает редукцию некоторых звуков в произношении, например, th' вместо the, an' вместо and. Лексическое отличие, примечательное в этом отрывке, – это применение устаревшей формы местоимения you – tha', а сочетание tha'rt означает you are. С грамматической точки зрения отличие йоркширского диалекта от нормированного английского языка проявляется в использовании окончания -s 3-го лица ед. числа и вспомогательного глагола do в форме does относительно 2-го лица: "Does tha' like it?"; "Tha' thinks...".

В следующем примере наблюдается очередная редукция звуков окончания, как в canna', а также особый способ образования возвратного местоимения с суффиксом sen – thysen (=yourself):

"Who is going to dress me?" demanded Mary.

Martha sat up on her heels again and stared. She spoke in broad Yorkshire in her amazement.

"**Canna'** tha' dress **thysen!**" she said.

Во многих фразах героев наблюдается произнесение окончания -ing как in', что так же отображается и на тексте: "I don't know anythin' about anythin'"; " Do stop cryin'". Также отметим использование do в качестве усилительной частицы, но не в значении призыва, а в значении просьбы, мольбы.

В следующих примерах можно заметить, что употребление окончания -s 3-го лица ед. числа характерно в йоркширском диалекте не только для второго лица, а также иногда для множественного числа и личного местоимения: "**I wants** a bit of a chat"; "Th' very **blackberries** an' heather-bells **knows** him".

В следующем произведении, "When Marine was There", главная героиня Анна переезжает из Лондона в Норфолк, чтобы поправить здоровье. В Норфолке Анна проживает у знакомых своей тети, мистера и миссис Пегг, которые разговаривают с ней на норфолкском диалекте, что порой вызывает затруднения у Анны. Автор передает норфолкский диалект через лексические и грамматические формы, свойственные диалекту, фонетические особенности в тексте не отражены. Рассмотрим примеры из текста:

Mrs Pegg looked surprised. "Me see the sea? Oh no, I never do that! **I ain't** been near-nor by the sea since **I were** a **wench**".

В данном фрагменте мы отмечаем использование разговорного варианта компрессии таких сочетаний как it is, are not, am not, которые заменяются одинаковым сочетанием: ain't. Подобное сокращение встречается очень часто в речи персонажей, что позволяет сделать вывод о том, что это является одной из характерных черт норфолкского диалекта: "Now **ain't that** nice"; "**It ain't** grand but nice and clean" и т.д. В первом фрагменте мы также можем заметить использование формы were с местоимением I вместо формы was. В речи персонажей встречается как форма was, так и форма were.

В качестве лексической особенности можно выделить просторечное и в некоторых

словарях помечено как устаревшее слово *wench*, которое используется здесь в шутливом значении «девушка, девчушка». Также персонажи дают Анне нехарактерные для литературного стандарта ласковые прозвища, часто используя устаревшие слова или их устаревшие значения: “*Yes, yes, my maid*”; “*Ah, so there you are, mybiddy*”; “*There you are, myduck*”. При исследовании текста можно также заметить некоторые диалектные слова, не присущие языковому стандарту, такие как: *rub along together all right* (=get along ; поладить друг с другом), *any road* (=anyway; в любом случае), *staith* (=wharf; причал, пристань), *afore* (=before; прежде, до), *up at ours* (=at our house; у нас дома).

Рассмотрим другие эпизоды:

“Though I can’t say I ever **heared** the words **afore!**” he added with a chuckle.

“We **knewed** all about that,” said Sam, gruffly kind.

В данных репликах глаголы, считающиеся неправильными в английском языке, образуются по правилам образования правильных глаголов путем добавления окончания *-ed*. Однако, формы, принятые в литературном стандарте таковы: *heard* (не *heared*) и *knew* (не *knewed*). В норфолкском диалекте данные глаголы и некоторые другие неправильные используются как правильные.

“There’s a seat down there”, panted Mrs. Pegg. “**Go you on down**, my duck, and I’ll sit here by the driver.”

“**Come you on down** when you’re ready, my duck”

В вышеприведенных отрывках можно выделить еще одну особенность диалекта: при образовании императива часто добавляется местоимение *you*.

В тексте также были обнаружены двойные отрицания по типу: “*I don’t know of none*”.

“But you don’t like me calling her ‘ma’, eh? Is that it?” said Sam, his eyes crinkling up at the corners.

“No, of course **she don’t!**” said Mrs Pegg.

В последнем примере наблюдается отличительная черта норфолкского диалекта: отсутствие окончания *-s* с 3 л. ед. числом, принятого в литературном языке.

В последнем произведении “Harry Potter and The Prisoner of Azkaban” главный герой, мальчик по имени Гарри Поттер, пытается попасть в Лондон, и для этого он садится в автобус. Водители автобуса, в большей степени один из них, Стэн, являются носителями кокни – лондонского диалекта рабочего класса. Автор иллюстрирует кокни в тексте с помощью отображения его фонетических и некоторых грамматических особенностей [\[10\]](#). Обратимся к примерам из текста.

“What were you **doin’** down there?” said Stan, dropping his professional manner.

“Scary-lookin’ **fing, inee?**” said Stan, who had been watching Harry read.

В данных репликах можно проследить некоторые фонетические особенности кокни, такие как произнесение окончания *-ing* как *in'*, так же, как и в йоркширском диалекте; замена глухого и звонкого звуков *th* на глухой и звонкий *f, w*, как в слове *fing* (=thing); невнятное и сжатое произношение фразы *isn’t it* как *inee*.

“**Choo** fall over for?” sniggered Stan.

" 'Choo lookin' at?" said Stan.

"**Woss** that on your '**ead**?" said Stan abruptly.

"**Woss** your name?" Stan persisted.

В вышеприведенных примерах мы можем заметить особое редуцированное произнесение сочетаний с специальными вопросами, например, *what are you* > *what you're* > 'choo и *what is* > *what's* > *woss*. В первом случае специальное слово *what* полностью редуцируется, а в втором случае редуцируется звук t путем удвоивания s. 'ead означает *head* и подчёркивает еще одну особенность кокни – опущение h в начале слов.

"How come the Muggles don't hear the bus?" said Harry.

"Them!" said Stan contemptuously. "**Don'** listen properly, do they? **Don'** look properly either. **Never notice nuffink**, they **don'**."

Данный отрывок содержит двойное отрицание, свойственное носителям кокни. Слова *don'* отражают тенденцию носителей данного диалекта к опущению t или произнесению особого звука – glottal t. Слово *nuffink* в очередной раз выделяет замену th звуком f, а окончание *ink* указывает на тенденцию к оглушению конечных согласных.

"What, Voldemort?" said Harry, without thinking. ...

"**You outta your tree?**" yelled Stan.

В последнем отрывке мы можем наблюдать лексический элемент, свойственный кокни: *out of your tree* (=out of your mind; с ума сошел, сумасшедший). Этот фрагмент также показателен тем, что для построения вопроса в разговорной речи используется прямой порядок слов, иногда опускается глагол *to be*. *Outta* – еще одно сжатое, сокращенное произношение сочетания *out of*. Среди других слов было обнаружено, например, *collywobbles* (= чувство страха, паники, тревоги), которое в некоторых словарях помечается как сленг или устаревшее.

Таким образом, посредством анализа материала нам удалось выявить характерные особенности и черты диалектов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Употребление диалектно-разговорных элементов подтверждает частоту распространения диалектной речи среди носителей языка и значимость ее изучения для детального понимания английского языка и его истории.

В целом, можно утверждать, что включение диалектно-разговорных элементов в речь персонажей придает им исключительный колорит и индивидуальность, воздействуя на сознание читателя, позволяя ему глубже погрузиться в сюжет произведения [11, 12].

Таким образом, намеренное отклонение от литературной нормы совершается автором для определенной цели – передать речевые, культурные и социальные особенности персонажей.

Библиография

1. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). – М.: Высшая школа, 1982. – 135 с.
2. Маковский М. М. Английская диалектология: Современные английские территориальные диалекты Великобритании. – М.: КомКнига, 2005. – 184 с.
3. Жирова И. Г. Территориальная и социальная диалектическая вариативность

- британского английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-2 (88). С. 290–294.
4. Ives S. A Theory of Literary Dialect // Tulane Studies in English. University of Leeds. 1950. Р. 137-182
 5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. 462 с.
 6. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
 7. Виноградова Д. С. Разговорная грамматика английского языка: особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77). С. 77–79.
 8. Беляева Т. М. Нестандартная лексика английского языка. Санкт-Петербург: Издательство Ленинградского университета, 1985. 136 с.
 9. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 102 с.
 10. Луханина А. С. Особенности функционирования кокни в английской литературе // Молодой ученый. 2018. № 25 (211). С. 345-347.
 11. Мячинская Э. И. Диалектно-разговорные элементы английского литературного текста и их передача на русский // Перевод и сопоставительная лингвистика. № 12. С. 82-86.
 12. Солнцева К. В. Функционирование диалектных маркеров в речевых характеристиках детских персонажей англоязычной художественной прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11. Ч. 2. С. 180-182.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом изучения рецензируемой статьи являются диалектно-разговорные элементы в английском художественном тексте. Думается, что выбор автора не случаен, ибо определение функционала использования данного языкового сегмента в литературном произведении позволяет объективировать развитие языка нормированного, что весьма ценно для научной сферы. Автор отмечает, что «диалектные и разговорные единицы занимают особое место в системе любого языка. Процесс исследования диалектов и разговорной лексики дает богатый и интересный исторический материал, позволяет изучить истоки возникновения языка, углубиться в его историческое прошлое», с этим, безусловно, сложно не согласиться, данную установку следует принять как магистральную. Материалом исследования послужили три текста художественных произведений английских авторов, написанных в разные промежутки XX века. Подобный выбор художественных произведений позволяет подчеркнуть диалектное и разговорное разнообразие английского языка и повсеместность его использования. «Отобранные тексты представляют собой следующие произведения: "The Secret Garden" by Frances Hodgson Burnett (1911), "When Marnie Was There" by Joan G. Robinson (1967), "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban" by J. K. Rowling (1999)». Все три текста являются литературой, предназначеннной не только для взрослых, но и для детей. Работа имеет достаточно продуманный стержень, концепция в принципе понятна и верна. Следовательно, наработанные данные можно принять и как окончательные, и как импульсивно перспективные, то есть работа может стать неким образчиком для

написания смежно-тематических сочинений. Стиль труда соотносится с собственно научным типом; например, это проявляется в следующих фрагментах: «в данном отрывке мы можем наблюдать, как автор с помощью апострофа обозначает редукцию некоторых звуков в произношении, например, th' вместо the, an' вместо and. Лексическое отличие, примечательное в этом отрывке, – это применение устаревшей формы местоимения you – tha', а сочетание tha'it означает you are. С грамматической точки зрения отличие йоркширского диалекта от нормированного английского языка проявляется в использовании окончания -s 3-го лица ед. числа и вспомогательного глагола do в форме does относительно 2-го лица: "Does tha' like it?"; "Tha' thinks...", или «в данных репликах глаголы, считающиеся неправильными в английском языке, образуются по правилам образования правильных глаголов путем добавления окончания -ed. Однако, формы, принятые в литературном стандарте таковы: heard (не heared) и knew (не knowed). В норфолкском диалекте данные глаголы и некоторые другие неправильные используются как правильные» и т.д. Аналитическая разверстка полновесна, целостна, не только формальна: «в качестве лексической особенности можно выделить просторечное и в некоторых словарях помеченное как устаревшее слово wench, которое используется здесь в шутливом значении «девушка, девчушка». Также персонажи дают Анне нехарактерные для литературного стандарта ласковые прозвища, часто используя устаревшие слова или их устаревшие значения: "Yes, yes, my maid"; "Ah, so there you are, mybiddy"; "There you are, myduck". При исследовании текста можно также заметить некоторые диалектные слова, не присущие языковому стандарту, такие как: rub along together all right (=get along ; поладить друг с другом), any road (=anyway; в любом случае), staith (=wharf; причал, пристань), afore (=before; прежде, до), up at ours (=at our house; у нас дома)» и т.д. Считаю, что работа имеет ярко выраженный практический характер, материал можно использовать при изучении лингвистических дисциплин. Текст не нуждается в серьезной правке и доработке, тема раскрыта полностью, цель исследования достигнута. Выводы созвучны основной части: «посредством анализа материала нам удалось выявить характерные особенности и черты диалектов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Употребление диалектно-разговорных элементов подтверждает частоту распространения диалектной речи среди носителей языка и значимость ее изучения для детального понимания английского языка и его истории. В целом, можно утверждать, что включение диалектно-разговорных элементов в речь персонажей придает им исключительный колорит и индивидуальность, воздействуя на сознание читателя, позволяя ему глубже погрузиться в сюжет произведения...». Библиография включает работы разных лет, ориентир на исследования М.М. Маковского, И.Р. Гальперина, И.В. Арнольд, Д.С. Виноградова, В.А. Хомякова и других правомерен. Рецензируемый материал обладает должно оригинальностью и научной новизной, он стилистически однороден; методология исследования не противоречит современным научным наработкам. Рекомендую статью «Диалектно-разговорные элементы в англоязычном художественном тексте» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Philology: scientific researches

Правильная ссылка на статью:

Rybalko S.A. — Educational and pedagogical discourse and its axiological component in the framework of the third generation cognitive research // Филология: научные исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.8.43774 EDN: WDZWZW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43774

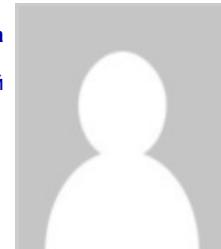
Educational and pedagogical discourse and its axiological component in the framework of the third generation cognitive research / Учебно-педагогический дискурс и его аксиологическая составляющая в структуре когнитивного исследовательского подхода третьего поколения

Рыбалко Светлана Александровна

старший преподаватель, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет

665040, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Маршала Жукова, 70а

✉ sveta.rybalko@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.8.43774

EDN:

WDZWZW

Дата направления статьи в редакцию:

12-08-2023

Аннотация: В данном обзоре мы намерены рассмотреть возможность анализа педагогического дискурса и его аксиологической составляющей в рамках традиций когнитивного подхода третьего поколения. Изучение учебно-педагогического дискурса носит междисциплинарный характер. Исследователи различных направлений социальных наук исследуют категориальные, жанровые, социальные, лингвистические и другие особенности учебно-педагогического дискурса. Мы предлагаем взглянуть на аксиологическую составляющую учебно-педагогического дискурса с позиций когнитивной лингвистики третьего поколения, в которой основной функцией языка является ориентация отдельных представителей той или иной социальной группы. В биокогнитивной перспективе образовательный дискурс воспринимается как часть языковых взаимодействий в общественной сфере. В центре этого подхода лежит понимание языка как когнитивной деятельности, характерной для человека как биологического вида. И сообщество, и его индивиды определяются в языке и через

язык, а последний рассматривается как межличностная деятельность, далекая от устойчивой системы символов. В реляционной области языковых взаимодействий между индивидом и обществом социальные ценности потенциально могут оказывать на них ориентирующее воздействие. Основным выводом данного обзора является то, что педагогический дискурс как часть реляционной области языковых взаимодействий выполняет ориентирующую функцию, так как использование языка как деятельности носит ориентирующий характер. Предполагается, что область письменных текстов занимает основное место в сфере общественных взаимодействий по сравнению с естественным языком в консенсуальной области сфер личных и семейных взаимодействий. Главной задачей педагогического дискурса в рамках этих принципов видится встраивание обучающихся в среду, с целью координации, оказания ориентировочного воздействия, снижения степени неопределенности, что в целом призвано способствовать поддержанию жизнедеятельности и жизнеспособности личности и общества.

Ключевые слова:

учебно-педагогический дискурс, аксиологическая составляющая, когнитивная лингвистика, ориентирующая функция языка, лингвистические взаимодействия, третье поколение когнитивистики, функция языка, биокогнитивный подход, социальный императив, социализация

Pedagogical discourse is a personality-oriented kind of institutional discourse within the framework of the intellectual interaction of teachers and students in the process of forming certain knowledge about the world and introducing them to moral, aesthetic, and other types of human experience [1]. Pedagogical discourse and its potential to influence the collective addressee with the teleological goal of socialization has long been the subject of close attention from cognitive linguistics. When considering main developments of the cognitive area of research, it is necessary to highlight the accepted opinion that the cognitive approach means that language activity is one of the types of human cognitive activity, and linguistic phenomena can only be understood in the context of other cognitive processes, which include knowledge, memory, attention, and consciousness. Cognitive approach in linguistics is one of the functional approaches used not to describe but to explain why certain linguistic phenomena are realized in this way and not otherwise.

The cognitive approach to the study of discourse is an alternative to the purely structuralist approach, sociological approach, philosophical approach, and semiotic approach, etc.

In this review, we intend to consider the possibility of analyzing the pedagogical discourse and its axiological component within the framework of the traditions of the third generation cognitive approach.

Reflections on the causes and purposes of human interaction with the environment come to the fore in the studies of the third generation of cognitive research.

Studies conducted within this framework is an interdisciplinary project, the bibliography is extensive [2, 3, 4, 5; 6; 7]. The adaptation of a person as a biological species through language activity is the foundation of biocognitive theory. Man and society are considered as living self-organizing systems [5], the unity of which is created by the relational area of the language where the "system of behavior of human society" unfolds [4], both community

and its individuals are co-determined in language and through language [9, p.150]. Language is viewed as an interpersonal activity far from a stable system of symbols.

One of the main assumptions of linguistic semiosis is that we can become linguistic beings and members of society only by participating in the relational realm of linguistic interactions with others and with ourselves [8]. It is not possible to create and develop both community and its individual members without the establishment of a cognitive domain of linguistic interactions [9, p.96].

The process of semiosis itself and linguistic signs as a manifestation of this process continuously produce, maintain and develop the niche occupied by individual individuals [4]. A cognitive niche created by language interactions is a set of opportunities "presented to a person by the relational area of the language interactions as a dynamic environment in which a person acts meaningfully for himself and for others" [4]. These possibilities can help either maintain the integrity of a living system, or lead to an imbalance and, as a result, a loss of integrity.

In this regard, we can talk about the formation of a system of value orientations (social imperatives), which determine which possibilities in the relational area of the language are acceptable, possible, and which are not. It is important to emphasize that value orientations do not exist somewhere apart from us, in the world around us, but exclusively in the field of linguistic interactions. Presumably, being in the sphere of linguistic interactions and taking an active role, an individual develops, successfully integrating in these linguistic interactions, including the value orientations of the system into his own cognitive processes.

Why all of this is possible? Being a part of the domain of linguistic interactions (consensual domain of natural language or domain of written texts) people draw on linguistic signs acquired through their personal experience with the world, as well on the linguistic representations of other people's experience of interactions with the world [9, p.149]. For instance, when a person says that the highest mountain is in the Himalaya it is not because he himself had an experience of climbing it, but he relies on the experience of others who accomplished it and made the results available to the public. We could argue that the majority of our knowledge acquired during formal schooling years is of that kind of nature. Very few educational institutions, most of them private, allow students to get their own experience with the phenomena / objects so they could form their own representation of them. Why is it important? An individual who had his own unique interactions with the world may have experience that is different from what is accepted and shared by the majority. It in turn may result in values and ideas different from the ones propagated by the society in the public linguistic domains diminishing the orientational effect of the values and ideas of the latter. It, as a side note, could become quite problematic for the society as a structured system.

Since it is within the relational area of the linguistic interactions that the process of socialization of the individual and the reproduction of society takes place, it is vital for the society to have some control over the ideas and values that are part of the domain of the linguistic interactions. As in the long run it will ensure the uniformity of cognitive domains of individual members of a given society making the former more adaptive.

Researchers working in this area of research [3, 4, 7, 10 and others] consider language as an activity of orienting character. It allows involving individuals in the consensual sphere of

interaction with the world; embedding the individual in the environment in order to coordinate, provide orienting influence, and decrease the degree of uncertainty, which generally contributes to maintaining the vital activity and viability of the individual and society. The created consensual area of the linguistic interactions is capable of exerting a formative influence on the thinking of the individual and society [\[11, 13, 14, and others\]](#). It generates a sense of belonging to a separate group using the national language and ensures the vital activity of this social group.

Research carried out within the framework of the traditions of the third generation of cognitive linguistics consider pedagogical discourse as one of the varieties of the consensual sphere of interaction with the world, existing within the framework of the social institution of education.

Considering the "online" phenomena of pedagogical discourse, A.K. Mikhalskaya [\[15\]](#); V.B. Chernik [\[16\]](#), and G.V. Dimova [\[17\]](#) note that the teacher's activity is not so much communicative as orienting. Studying online phenomena - processes and communication strategies in the tradition of research of the third generation of cognitive linguistics, N.A. Komina [\[18\]](#) considers organizational discourse as a product of interaction. The researcher emphasized the importance of the coordinated and dialogic participation of all participants in the educational process: noting that for the teacher, it is a tool of influence, and for the student - a tool for testing knowledge.

The orienting nature of the use of pedagogical discourse is also emphasized in the work of P.V. Tokareva [\[19\]](#). The researcher notes that the educational discourse implemented in the text of the textbook is persuasive in nature, with the main goal of changing the model of the student's world, which was also confirmed in the works of V.S. Grigorieva [\[20\]](#) and T.V. Ezhova [\[21\]](#). G.V. Dimova [\[17\]](#), studying the main discursive strategies (on-line phenomena), notes that the latter are used in pedagogical discourse for the purpose of the teacher's comprehensive management of the main processes of conceptualization of the students' world, in order to successfully integrate students into the environment and provide orienting influence

Following the postulates of cognitive linguistics of the "third generation", we propose to consider pedagogical discourse as part of a cognitive niche created by language interactions that continuously produce, support, and develop it, including through the formation of value orientations that determine what opportunities in the relational field of language are allowed and which are not.

Pedagogical discourse as a part of the relational area of the language interactions performs an orienting function, as the use of language as an activity has an orienting character. The main task of pedagogical discourse within the framework of these principles is seen as embedding students in the environment, in order to coordinate, provide orienting influence, and reduce the degree of uncertainty, which in general is intended to help maintain the vital activity and viability of the individual and society.

Библиография

1. Сергеева Ю.С. Конститутивные признаки академического дискурса: цифровые трансформации. Казанский лингвистический журнал. 2020; 4(3): 361–372.
2. Кларк А. Быть там: снова объединить мозг, тело и мир. Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 1997. doi: 10.7551/mitpress/1552.001.0001.

3. Коули С.Дж. *Распределенный язык*. Амстердам: Джон Бенджамины; 2011. doi: 10.1075/bct.34.01cow
4. Линелл П. Диалогичность в языках, сознании и мозге: есть ли сходство между диалогизмом и нейробиологией? Языковые науки. 2007. № 29. С. 605-620. doi: 10.1016/j.langsci.2007.01.001
5. Матурана, У.Р. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела. Новая научная библиотека. Публикации Шамбалы, 1987.
6. Рачашек-Леонарди Дж. Символы как ограничения. Структурирующая роль динамики и самоорганизации в естественном языке. Прагматика и познание. 2009 г.; 17(3):653-676. doi: 10.1075/pc.17.3.09ras
7. Стеффенсен С.В. Язык, язык и гипотеза расширенного разума. Обзор Кларка (2008). Прагматика и познание. 2009. № 17(3). С. 677-697. doi: 10.1075/pc.17.3.10ste
8. Шилхаб Т. Слова как культиваторы других умов. Границы психологии, 2015, № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690
9. Кравченко А.В. Биология познания и лингвистический анализ. Франкфурт-на-Майне, Берлин, Берн, Брюссель, Нью-Йорк, Оксфорд, Вена, 2008. doi: 10.3726/978-3-653-01272-9
10. Звегинцев В.А. Мысли о языкоznании. М.: Изд-во МГУ, 1996.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999.
12. Уорф Б.Л. Отношение привычного мышления и поведения к языку. / Н. Купленд, А. Яворски, А. (ред.) Социолингвистика. Серия «Современное языкоznание». Палгрейв, Лондон, 1997. doi: 10.1007/978-1-349-25582-5_35
13. Гумбольдт фон В. О мышлении и речи. Избранные работы по языкоznанию. Москва, 1984.
14. Кубрякова Е.О. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С.7-20.
15. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М.: Академия, 1998.
16. Черник В.Б. Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: автореф. диссертации на соискание уч. степени кандидата филол. наук Екатеринбург: Б.И., 2002. 196с.
17. Димова Г.В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: автореф. диссертации на соискание уч. степени кандидата филол. наук. Иркутск, 2004.
18. Комина Н.А. Организационный дискурс в образовательной ситуации (смысловой и прагматический аспекты): автореф. диссертации на соискание уч. степени кандидата филол. наук. Краснодар.
19. Токарева П.В. Коммуникативные стратегии и тактики в ряде учебных дискурсов (на материале школьных учебников): автореф. диссертации на соискание уч. степени кандидата филол. наук. Омск, 2005.
20. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Тамбовское издательство. Государственная тех. ун-та, 2007.
21. Ежова Т.В. Педагогический дискурс и его проектирование // URL: <http://www.eidos.ru> (дата обращения: 23.03.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Учебно-педагогический дискурс и его аксиологическая составляющая в структуре когнитивного исследовательского подхода третьего поколения», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», представленная на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике исследования педагогического дискурса и потенциал его воздействия на коллективного адресата. Работа выполнена в русле когнитивной лингвистики.

В рецензируемой работе автор рассматривает возможность анализа педагогического дискурса и его аксиологической составляющей в рамках традиций когнитивного подхода третьего поколения. Работа носит междисциплинарный характер.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом.

Однако автор не приводит данных о практическом составляющем исследования, на какой базе и материале выполнялась работа.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых теоретические работы представлены исключительно на русском языке, в том числе переводные труды. Считаем, что для работы, представляющей на английском языке, следовательно, ориентированной на зарубежных исследователей, отсутствие ссылок на труды на иностранном языке и умышленное избегание иностранных источников делает работу малопривлекательной для подобной аудитории.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях.

Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, педагогам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Учебно-педагогический дискурс и его аксиологическая составляющая в структуре когнитивного исследовательского подхода третьего поколения» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Modernization of the image of the Huli Jing and the transformational nature of Reality in V. O. Pelevin's novel «The Sacred Book of the Werewolf»

Dubakov Leonid

PhD in Philology

Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidasueyuan str., 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Guo Wenjing

Master's Degree student, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidasueyuan str., 1

✉ Lesliegreyen@outlook.com

Abstract. The article analyzes the image of the Chinese werewolf fox, or Huli jing (Chinese: 狐狸精), in Victor Pelevin's novel «The Sacred Book of the Werewolf». The comparison of the main character of Pelevin's work with the images of Huli jing in classical Chinese texts is made. In the center of consideration is the nomination of the heroine, her appearance, habitat, the ability to turn around and impose a hassle, the nature of sexuality, lifestyle. It is established that the image of the werewolf fox in Pelevin is a synthetic image created on the basis of mainly two cultures – Chinese and Russian. At the same time, she was influenced by mystical, religious, cultural and literary Chinese traditions. The writer relies on the components of the image of the Huli jing, borrowed from Chinese books, but offers an expanded and reinterpreted version of them. Pelevin is primarily interested in the desire of the werewolf fox not for bodily, but for spiritual transformation, on the way to which his heroine, relying on eastern philosophy, studies the principles of her mind. The Huli jing of the «Sacred Book of the Werewolf» and the confusion that it induces act as a metaphor for reality as a whole (man, time, space, language, the outside world, etc.). The nature of reality, according to Pelevin's novel, is transformational at its core, and this feature of it is due to its illusory nature. The relevance of the article is determined by the high interest of domestic and foreign literary criticism in the work of Viktor Pelevin and comparative studies (in this case, affecting Russian and Chinese cultures). The novelty of the work is due to the expansion of the concept of werewolf in Pelevin's novel – from the bodily inversivity of the main character to the characteristics of various aspects of reality.

Keywords: mysticism, soteriology, Buddhism, estrangement, transformational nature of reality, modernization, huli jing, Chinese tradition, werewolf fox, Viktor Pelevin

References (transliterated)

1. Alimov I. A. Kitaiskii kul't lisy // Alimov I. A. Besy, lisy, dukhi v tekstakh sunskogo Kitaya. SPb.: Izd-vo «Nauka», 2008. 282 s.
2. Babenko N. G. Bestiarii sovremennoi prozy v aspekte eksplitsitnosti/implitsitnosti kul'turnykh konnotatsii // Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka:

- eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kaliningrad – Svetlogorsk, 15–17 sentyabrya 2005 goda. Kaliningrad – Svetlogorsk: Baltiiskii federal'nyi universitet imeni Immanuela Kanta, 2006. S. 275–292.
3. Vorob'eva A. N. Knizhno-kul'turnye transformatsii v romane V. Pelevina «Svyashchennaya kniga oborotnya» // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. T. 152. № 2. S. 93–100.
 4. Gan' Bao. Zapiski o poiskakh dukhov (Sou shen' tszi) / Per. s drevnekit., predisl. prim. i slovar'-ukaz. L. N. Men'shikova. SPb.: Tsentr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1994. 569 s.
 5. Go Vei. Lisy-oborotni v kitaiskoi literature i iskusstve i v tvorchestve V. Pelevina // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 3 (82). S. 341–343.
 6. Krouli A. Serdtse Svyatoy Rusi. URL: http://svitk.ru/004_book_book/2b/457_krouli-serdce_svyatoy_rusi.php (data obrashcheniya 04.05.2023).
 7. Li Gen". Kitaiskii podtekst v romane V. Pelevina «Svyashchennaya kniga oborotnya» // Kazanskaya nauka. 2021. № 9. S. 23–27.
 8. Os'mukhina O. Yu., Siprova A. A. Mifopoeticheskii kontekst romana V. Pelevina «Svyashchennaya kniga oborotnya» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11-2(77). S. 26–30.
 9. Pelevin V. O. Svyashchennaya kniga oborotnya: Roman. M.: Izd-vo Eksmo, 2004. 384 s.
 10. Pu Sunlin. Rasskazy Lyao Chzhaya o neobychainom // v perevode V.M. Alekseeva. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 558 s.
 11. Put' k zaoblachnym vratam. Starinnaya kitaiskaya proza / per. K. Golyginoi i dr. M. : Pravda, 1989. 608 s.
 12. Yan' Meipin. Mistika v russkoi literature KhKh v.: istoki, traditsii i retseptsii – analiz proizvedenii Viktora Pelevina // Put' nauki. 2019. № 9(67). S. 59–63.

To the question of the boundaries of the fictionality of the narrated event. "Every hundred years. A novel with a diary" by A. Matveeva

Ageeva Natalia

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature; Novosibirsk State Pedagogical University

630028, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vilyuiskaya str., 28, building 3

 jcl@ngs.ru

Abstract. The object of research in this article was A. Matveeva's novel "Every Hundred Years", published in 2022 and included in the shortlist of the Big Book Award. A novel with a diary." The specificity of this work lies in the fact that the parallel developing life stories of the two heroines are presented in the form of their personal diaries, one of which is fictitious in nature, and the second is a real diary, which was kept throughout her life by A. Matveeva's grandmother, Ksenia Mikhailovna Levshina. In this regard, the question arises not only about the distinction between fiction and nonfiction literature, but also about what happens to the status of a personal diary belonging to the category of non-aesthetic texts when it is included in the context of a work of fiction, the solution of which became the purpose of this study. The scientific novelty of the study consists in the introduction to the theoretical basis of the study

were the classical works of M. Riffater, J. Genette and V. Yser, devoted to the nature of fictionality, as well as general provisions concerning the signs of a fictional text, set out in the work of V. Schmid "Narratology". In the process of analyzing the novel, it was revealed that when fragments of the text of real diaries are placed in the context of a deliberately fictitious world, not only the relationship of the image of the character Xenichka to the real referent (K. M. Levshina) is lost, but also the text of her personal diaries lose their connection with factuality and acquire the status of an object of comprehension. The narrated event in the novel, therefore, is not only and not so much the life stories of the two characters, but also the interaction of the factual and fictional, intimate ego-document and novel, the very writing of any text, both artistic and documentary, and the understanding of life as an aesthetic object.

Keywords: narrated event, nonfiction, documentary, factuality, fiction, fictionality, ego document, diary, novel, Anna Matveeva

References (transliterated)

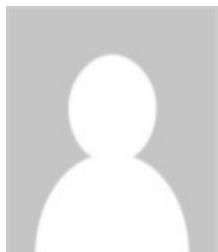
1. Vaihinger H. The Philosophy of "As If": A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind. London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 314 p.
2. Hamburger K. The Logic of Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1973. 369 p.
3. Serl' Dzh. Logicheskii status khudozhestvennogo diskursa // Logos. 1999. № 3 (13). S. 34–47.
4. Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. 137 p.
5. Iser W. The Fictive and the Imaginary. Charting Literary Anthropology. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1993. 347 p.
6. Zhenett Zh. Vymysel i slog (Fictio et dictio) // Zhenett Zh. Figury. Raboty po poetike. V 2-kh t. T. 2. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. S. 342–451.
7. Izer V. Akty vymysla, ili Chto fiktivno v fiktsional'nom tekste // Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dnei: Antologiya: Per. s nem. / Sost. D. Uffel'man, K. Shramm. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. S. 186–216.
8. Gilyazova O. S. Problema kriteriev vymysla v khudozhestvennom mire // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 5 (71): v 3-kh ch. Ch. 3. C. 17–19.
9. Zolotukhina-Abolina E. V. Problema vymysla: mezhdu fantaziei i real'nost'yu // Epistemology & Philosophy of Science. 2010. № 1. S. 148–159.
10. Kleimenova V. Yu. Fiktsional'nost' i vymysel v tekste // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2011. № 143. S. 94–102.
11. Kleimenova V. Yu. Fiktsional'nost' i fantastichnost' kak kharakteristiki teksta // Tsarskosel'skie chteniya. 2012. XVI. S. 279–283.
12. Faustov A. A. O fraktsiyakh literaturnykh tekstov: k obosnovaniyu ponyatiya // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2012. № 2. S. 34–38.
13. Nielsen H. S., Phelan J., Walsh R. Ten theses about fictionality // Narrative. 2015. Vol. 23, iss. 1. P. 61–73.
14. Lushnikova G. I., Osadchaya T. Yu. Sintez dokumental'nogo i khudozhestvennogo kodov v povesti Deiva Eggersa «Monakh iz Mokhi» // Filologiya i chelovek. 2023. № 1. S. 192–202.
15. Minnulin O. R. Dokumental'noe nachalo v khudozhestvennoi literature v svete

- tsennostno-ontologicheskogo podkhoda // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2023. № 1 (71). S. 127–137.
16. Razumova I. A., Samorukova A. G. Zhanrovo-vidovye osobennosti knigi vospominanii E. B. Khalezovoi. Chast' 1. Avtobiografiya // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya. Vyp. 22. 2022. T. 13, № 2. S. 32–48.
17. Shmid V. Narratologiya. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2003. 312 s.
18. Boldyрева Е. М. Differentsiatsiya faktual'nykh i fiktsional'nykh zhanrov avtobiograficheskoi literatury kontsa KhKh – nachala KhKhI v. // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2018. № 4 (15). S. 34–44.
19. Kuchina T. G. «Ya»-povestvovanie v sovremennoi russkoi proze: fiktsional'nyi i faktual'nyi aspekty avtobiograficheskogo teksta // Vestnik KGU. 2006. № 6. S. 91–93.
20. Bakhtin M. M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti // Bakhtin M. M. Sobr. soch. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov. M.: Rus. slov.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2003. S. 69–263.
21. Matveeva A. Kazhdye sto let. Roman s dnevnikom. M.: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2022. 768 s.

Mythological signs in the analysis of the language in the English fantasy texts and their differences from occasionalisms and proper nouns

Fedorova Natalia Vladimirovna

PhD in History

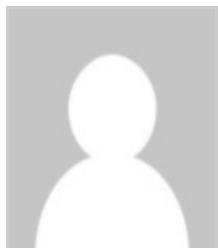
Associate Professor of the Department of Foreign Language for Humanities and Social Sciences, Don State Technical University

1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russia

✉ fnavl@mail.ru

Shvedova Karina Vasilevna

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of Foreign Language for Humanities and Social Sciences, Don State Technical University

1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russia

✉ 79286228854@yandex.ru

Zimina Vera Pavlovna

Senior Instructor of the Department of Foreign Language for Technical Sciences and Technologies, Don State Technical University

344000, Russia, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1

✉ vp-zimina@yandex.ru

Dudukalov Egor Vladimirovich

PhD in Economics

Professor of the Department of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia

✉ edudukalov@gmail.com

Abstract. The object of research is the fantasy genre, its artistic world and language. It is noteworthy that, not being satisfied with existing terms such as "occasionalisms", "proper nouns", the authors introduce new concepts. The abovementioned terms are used in the analysis and description of the linguistic features of the fantasy genre, but do not reflect the specifics of fantasy. The subject of the study is mythological sign ("mythoznak") in the fantasy genre. The material for the study is the novel "Neverwhere" by N. Gaiman, from which mythological signs were selected by continuous sampling. They are characterized by the absence of a real denotation and form the denotation space of the pseudo-world in fantasy. The theoretical significance of the work lies in deepening the understanding of the term "mythological sign" (in the context of fantasy). The practical significance of the work consists in the possibility of using the results of the research in the practice of literary translation and for educational purposes. It is revealed that a significant part of the mythological signs are author's nominations, which brings them closer to the occasionalisms. Nevertheless, they are not always created by fantasy authors: conventional language units are also used in the function of mythological signs. In this case, the author changes their structure and semantic content. On the other hand, mythological signs are not always proper names.

Keywords: concept, denotation, Russian language, English language, proper noun, occasionalism, mythological sign, pseudo-world, fantasy, semiotics

References (transliterated)

1. Bellis G., Lane C. Mimetic and Nonmimetic Fiction // PMLA / Modern Language Association. 2004. Vol. 119. No. 1. Pp. 133-135. URL: <http://www.jstor.org/stable/1261492> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
2. Teoriya: SF ili Sci-Fi? // Laboratoriya Fantastiki. 09.08.2011. URL: <https://fantlab.ru/blogarticle15613page2> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
3. Golovacheva I.V. Fantastika i fantasticheskoe: poetika i pragmatika anglo-amerikanskoi fantasticheskoi literatury. SPb.: Petropolis, 2013. 419 s.
4. Galiev S.S. Klassifikatsiya zhanra fentezi. Proizvedeniya Dzh.R.R. Tolkina // Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya: materialy Vos'mykh Andreevskikh chtenii / Redkol. N.N. Andreeva, N.T. Pakhsar'yan, N.A. Litvinenko. M.: Ekon-Inform, 2010. URL: <https://proza.ru/2011/08/13/1098> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
5. Plotnikova S.N. Kontseptual'nyi standart zhanra fentezi // Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statei. Vyp. 4. Zhanr i kontsept / Otv. red. V.V. Dement'ev. Saratov: GosUNTs «Kolledzh», 2005. S. 262-272.
6. Misnik M.F. Lingvisticheskie osobennosti anomal'nogo khudozhestvennogo mira proizvedenii zhanra fentezi angloyazychnykh avtorov: dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2006. 159 s.
7. Fomenko I.V., Fomenko L.P. Khudozhestvennyi mir i mir, v kotorom zhivet avtor // Literaturnyi tekst: Problemy i metody issledovaniya IV: sbornik nauchnykh statei / Pod red. L.V. Tarasova. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 1998. S. 17-24.
8. Plotnikova S.N. Kognitivnye printsipy sozdaniya anomal'nogo khudozhestvennogo mira // Problemy stilistiki i pragmatiki vyskazyvaniya teksta: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. Ladygin Yu.A. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 1998. S. 106-114.
9. Babenko N.G. Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticeskii analiz. Kaliningrad: Kaliningradskii gosudarstvennyi universitet, 1997. URL: <http://window.edu.ru/resource/664/22664/files/babenko.pdf> (data obrashcheniya: 05.05.2023).

- 05.05.2023).
10. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)*. M.: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 s.
 11. Cherkasov I.E., Brodovich O.I. *Mifologicheskii znak s pozitsii antropotsentrizma // Antropotsentrizm v yazyke i rechi: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. L.P. Chakhoyan*. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. S. 174-182.
 12. Misnik M.F. *Lingvisticheskie osobennosti anomal'nogo mira proizvedenii zhanra fentezi // Filologiya i sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie: Materialy regional'noi konferentsii molodykh uchenykh (Irkutsk, 2-4 marta, 2004 g.)*. Irkutsk: IGLU, 2004. S. 82-83.
 13. Misnik M.F. *Vozmozhnyi mir proizvedenii zhanra fentezi // Lingvistika Metodika. Informatika: fundamental'nye i prikladnye aspekty: Materialy konferentsii molodykh uchenykh (Irkutsk, 28 fevralya – 4 marta 2005 g.)*. Irkutsk: IGLU, 2005. S. 39-41.
 14. Misnik M.F. *Lingvisticheskaya realizatsiya vymyslennogo mira v zhanre fentezi // Vestnik IGLU. Ser. Lingvistika. Voprosy teorii teksta, lingvostilistiki i intertekstual'nosti. Vyp. 11*. Irkutsk: IGLU, 2005. S. 93-107.
 15. Tret'yakova M.F. *Komicheskii effekt v proizvedeniakh T. Pratchetta // Voprosy filologii i mezhkul'turnoi kommunikatsii : sbornik nauchnykh statei / Otv. red. N.V. Kormilina, N.Yu. Shugaeva. Cheboksary : Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva*, 2017. S. 261-266.
 16. Misnik M.F. *Lingvisticheskie osobennosti anomal'nogo khudozhestvennogo mira proizvedenii zhanra fentezi angloyazychnykh avtorov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Irkutsk, 2006. 18 s.
 17. Gaiman, N. *Neverwhere / Neil Gaiman*. New York: HarperCollins Publishers, 2016. 460 p.
 18. Geiman, N. *Zadver'e / Nil Geiman; [per. s angl. A. Komarinets]* // Elektronnaya biblioteka BooksCafe.Net. URL: https://bookscafe.net/read/geyman_nil-zadvere-24358.html#p1 (data obrashcheniya: 11.05.2023).
 19. Geiman, N. *Nikogde / Nil Geiman; [per. s angl. N. Koncha, M. Mel'nichenko]*. M.: Izdatel'stvo AST, 2018. 414 s.

Dialect and colloquial elements in English fiction

Anikina Tatiana Vyacheslavovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil Socio-Pedagogical Institute, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University

622031, Russia, Sverdlovskaya oblast', g. Nizhnii Tagil, ul. Krasnogvardeiskaya, 57

 anikishna@mail.ru

Abstract. The article deals with the study of dialect and colloquial elements in English fiction. The main aim of the study is to identify, analyze and characterize the significance of dialect and colloquial elements in modern fiction.

The author studies the following terms "dialect", "dialect words", "colloquial words". In the article dialect-colloquial elements are defined as speech units that characterize a certain dialect and are accompanied by some colloquial elements.

The examples of dialect-colloquial elements are taken from the following works: "The Secret

Garden" by Frances Hodgson Burnett (1911), "When Marnie Was There" by Joan G. Robinson (1967), "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban" by J. K. Rowling (1999).

The analysis of the works demonstrates that the functioning of dialect-colloquial elements is observed at different language levels: phonetic, grammatical and lexical.

Reduction of sounds, devoicing or voicing of sounds, incorrect reading of the ending 'ing' are used at the phonetic level. The lexical level is characterized by the usage of obsolete forms of parts of speech and colloquial words. On the grammatical level a violation of the traditional grammar norms (no ending in the plural, the use of double negation, etc.) is found.

The research proves that dialect-colloquial elements help to depict the characters vividly, convey the individuality of their speech, and sometimes serve as a means of satire.

Keywords: dialect words, colloquial words, dialect-colloquial words, phonetic level, grammatical level, lexical level, individuality, dialect, dialectology, fiction

References (transliterated)

1. Makovskii M. M. Angliiskie sotsial'nye dialekty (ontologiya, struktura, etimologiya). – M.: Vysshaya shkola, 1982. – 135 s.
2. Makovskii M. M. Angliiskaya dialektologiya: Sovremennye angliiskie territorial'nye dialekty Velikobritanii. – M.: KomKniga, 2005. – 184 s.
3. Zhirova I. G. Territorial'naya i sotsial'naya dialekticheskaya variativnost' britanskogo angliiskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 10-2 (88). S. 290–294.
4. Ives S. A Theory of Literary Dialect // Tulane Studies in English. University of Leeds. 1950. P. 137-182
5. Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka. – M.: Vysshaya shkola, 1981. 462 s.
6. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk. – M: Flinta: Nauka, 2002. 384 s.
7. Vinogradova D. S. Razgovornaya grammatika angliiskogo yazyka: osobennosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11-3 (77). S. 77–79.
8. Belyaeva T. M. Nestandardnaya leksika angliiskogo yazyka. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985. 136 s.
9. Khomyakov V. A. Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta angliiskogo prostorechiya. – M.: LIBROKOM, 2009. 102 s.
10. Lukhanina A. S. Osobennosti funktsionirovaniya kokni v angliiskoi literature // Molodoi uchenyi. 2018. № 25 (211). S. 345-347.
11. Myachinskaya E. I. Dialektno-razgovornye elementy angliiskogo literaturnogo teksta i ikh peredacha na russkii // Perevod i sopostavitel'naya lingvistika. № 12. S. 82-86.
12. Solntseva K. V. Funktsionirovanie dialektnykh markerov v rechevykh kharakteristikakh detskikh personazhei angloyazychnoi khudozhestvennoi prozy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 11. Ch. 2. S. 180-182.

Educational and pedagogical discourse and its axiological component in the framework of the third generation cognitive research

Senior Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University

665040, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Marshal Zhukov str., 70a

✉ sveta.ryalko@gmail.com

Abstract. In this review, we intend to consider the possibility of analyzing the pedagogical discourse and its axiological component within the framework of the traditions of the third generation cognitive approach. The study of educational and pedagogical discourse is of interdisciplinary nature. Researchers from various areas of social sciences explore categorical, genre, social, linguistic, and other features of educational and pedagogical discourse. We propose to look at axiological component of educational and pedagogical discourse from the perspective of third-generation cognitive linguistics, in which the main function of language is the orientation of individual members of a particular social group. Within the biocognitive perspective, educational discourse is perceived as a part of linguistic interactions in the public sphere. It is suggested that the domain of written texts have a primary position in the public linguistic domains compared to natural language in the consensual domain of personal and family linguistics domains.

In the center of this approach lies the understanding of language as a cognitive activity specific to humans as biological species. Both community and its individuals are co-determined in language and through language, and language is viewed as an interpersonal activity far from a stable system of symbols. In the relational domain of linguistic interactions between individual and society social values have a potential to exert an orientational influence on individuals.

Keywords: language function, biocognitive approach, third generation of cognitive science, linguistic interactions, orienting function of language, cognitive linguistics, axiological component, educational and pedagogical discourse, social imperative, socialisation

References (transliterated)

1. Sergeeva Yu.S. Konstitutivnye priznaki akademicheskogo diskursa: tsifrovye transformatsii. Kazanskiilingvisticheskii zhurnal. 2020; 4(3): 361–372.
2. Klark A. Byt' tam: snova ob'"edinit' mozg, telo i mir. Kembridzh, Massachusetts: MIT Press, 1997. doi: 10.7551/mitpress/1552.001.0001.
3. Kouli S.Dzh. Raspredelennyi yazyk. Amsterdam: Dzhon Bendzhamins; 2011. doi: 10.1075/bct.34.01cow
4. Linell P. Dialogichnost' v yazykakh, soznanii i mozge: est' li skhodstvo mezhdu dialogizmom i neirobiologiei? Yazykovye nauki. 2007. №29. S. 605-620. doi: 10.1016/j.langsci.2007.01.001
5. Maturana, U.R. Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya / U.R. Maturana, F.Kh. Varela. Novaya nauchnaya biblioteka. Publikatsii Shambaly, 1987.
6. Rachashek-Leonardi Dzh. Simvoli kak ograniceniya. Strukturiruyushchaya rol' dinamiki i samoorganizatsii v estestvennom yazyke. Pragmatika i poznanie. 2009 g.; 17(3):653-676. doi: 10.1075/pc.17.3.09ras
7. Steffensen S.V. Yazyk, yazyk i gipoteza rasshirennogo razuma. Obzor Klarka (2008). Pragmatika i poznanie. 2009. №17(3). S. 677-697. doi: 10.1075/pc.17.3.10ste
8. Shilkhab T. Slova kak kul'tivatory drugikh umov. Granitsy psichologii, 2015, № 6. doi:

- 10.3389/fpsyg.2015.01690
9. Kravchenko A.V. Biologiya poznaniya i lingvisticheskii analiz. Frankfurt-na-Maine, Berlin, Bern, Bryussel', N'yu-Iork, Oksford, Vena, 2008. doi: 10.3726/978-3-653-01272-9
 10. Zvegintsev V.A. Mysli o yazykoznanii. M.: Izd-vo MGU, 1996.
 11. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech'. 5-e izd., ispr. M.: Labirint, 1999.
 12. Uorf B.L. Otnoshenie privychnogo myshleniya i povedeniya k yazyku. / N. Kuplend, A. Yavorski, A. (red.) Sotsiolingvistika. Seriya «Sovremennoe yazykoznanie». Palgreiv, London, 1997. doi: 10.1007/978-1-349-25582-5_35
 13. Gumbol'dt fon V. O myshlenii i rechi. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu. Moskva, 1984.
 14. Kubryakova E.O. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike. Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty. M., 2000. S.7-20.
 15. Mikhal'skaya A.K. Pedagogicheskaya ritorika: istoriya i teoriya. M.: Akademiya, 1998.
 16. Chernik V.B. Faticheskie rechevye zhanry v pedagogicheskem diskurse i tekste uroka: avtoref. dissertatsii na soiskanie uch. stepeni kandidata filol. nauk Ekaterinburg: B.I., 2002. 196s.
 17. Dimova G.V. Osnovnye strategii frantsuzskogo universitetskogo pedagogicheskogo diskursa: avtoref. dissertatsii na soiskanie uch. stepeni kandidata filol. nauk. Irkutsk, 2004.
 18. Komina N.A. Organizational'nyi diskurs v obrazovatel'noi situatsii (smyslovoi i pragmaticskei aspekty): avtoref. dissertatsii na soiskanie uch. stepeni kandidata filol. nauk. Krasnodar.
 19. Tokareva P.V. Kommunikativnye strategii i taktiki v ryade uchebnykh diskursov (na materiale shkol'nykh uchebnikov): avtoref. dissertatsii na soiskanie uch. stepeni kandidata filol. nauk. Omsk, 2005.
 20. Grigor'eva V.S. Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty: monografiya. Tambov: Tambovskoe izdatel'stvo. Gosudarstvennaya tekh. un-ta, 2007.
 21. Ezhova T.V. Pedagogicheskii diskurs i ego proektirovanie // URL: <http://www.eidos.ru> (data obrashcheniya: 23.03.2023)